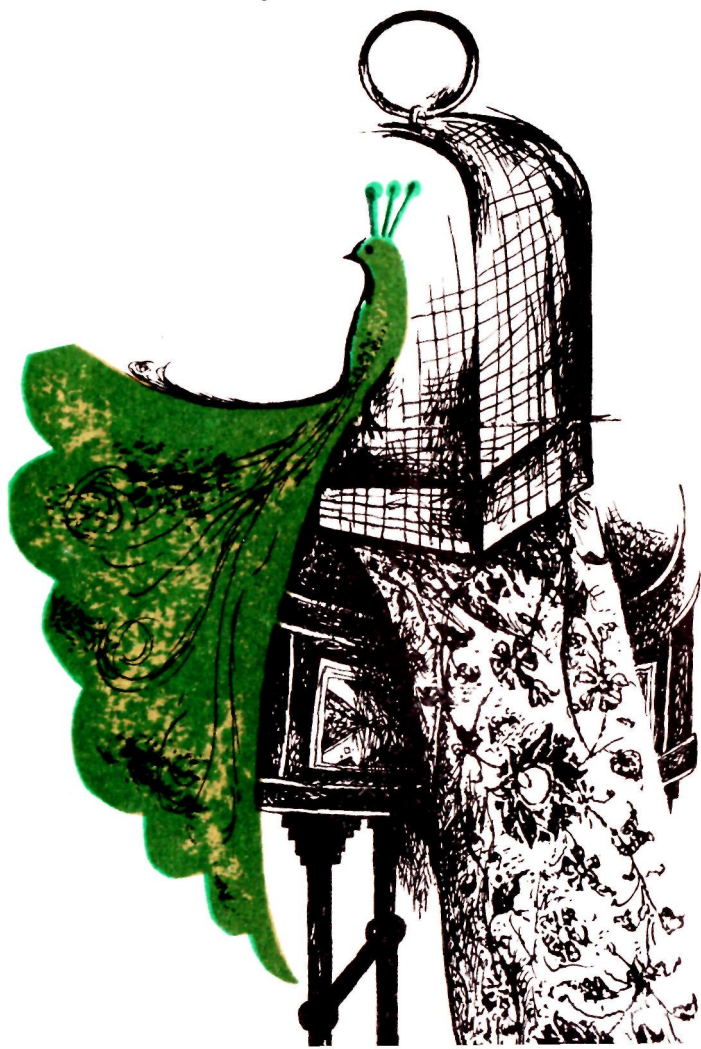

Омар Хайам

Рубайат

**Академия наук СССР
Институт востоковедения**

Издательство «Наука»

Омар Хайам

Рубайат

ПЕРЕВОД
ГЕРМАНА ПЛИСЕЦКОГО

*Главная редакция
восточной литературы
Москва
1972*

Подстрочный перевод,
составление и послесловие
М.-Н. ОСМАНОВА

1

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! * —
Вот последняя правда, открытая мной.

2

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

5

3

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой * яснолицей была!

4

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

5

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, — кричит о н , — гончар, продавец, покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

6

6

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

7

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека...

8

Когда плачут весной облака — не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

7

9

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

10

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется — строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

11

Управляется мир Четырьмя и Семью*.
Раб магических чисел — смиряюсь и пью.
Все равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную поляю мою!

8

12

В колыбели — младенец, покойник — в гробу:
Вот и все, что известно про нашу судьбу.
Выпей чашу до дна — и не спрашивай много:
Господин не откроет секрета рабу.

13 *

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

14

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей — будь счастлив теперь!

9

15

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

16

Как жар-птица *, как в сказочном замке княжна,
В сердце истина скрытно храниться должна.
И жемчужине, чтобы налиться сияньем,
Точно так же глубокая тайна нужна *.

17

Вместо сказок про райскую благодать
Прикажи нам вина поскорее подать.
Звук пустой — эти гурии, розы, фонтаны *...
Лучше пить, чем о жизни загробной гадать!

10

18

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе — эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

19

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы!

20

Те, что веруют слепо, — пути не найдут.
Тех, кто мыслит, — сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

11

21

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глодать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

22

Недостойно — стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайама ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

23

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

12

24

Вижу смутную землю — обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблеставших и ставших добычей червей.

25

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

26

Все, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

27

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

28

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

29

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

30

В поднебесье светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

31

Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг,
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

32

Ты с душою расстанешься скоро, поверь.
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты — неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно — куда же теперь?

33

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

34

Когда с телом душа распротится, скорбя,
Кирпичами из глины придавят тебя *
И бездушное, ставшее глиною, тело
Пустьят в дело, столетие погода.

35

Где мудрец, мирозданья постигший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Все равно ничего достоверного нет —
Только саван, в который ты будешь одет...

36

Тот, кто следует разуму, — доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

37

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
К ним гонцы подлетали на полном скаку.
Где все это? В зубчатых развалинах башни
Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку»...

38

Этот старый дворец называется — мир.
Это царский, царями покинутый, пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.

39

Где Бахрам * отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

40

Если низменной похоти станешь рабом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

41

В прах судьбою растертые видятся мне,
Под землей распростертые видятся мне.
Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный:
Только мертвые, мертвые видятся мне...

42

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

43

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук *,
Из великих царей и последних пьянчуг.

44

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна *
Положил в колесо. Ты — безумец, ей-ей!

45

Я кувшин что есть силы об камень хватил.
В этот вечер я лишнего, видно, хватил.
«О несчастный! — кувшин возопил. — И с тобою
Точно так же поступят, как ты поступил!»

46

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала:
«Не топчи меня! — глина ему говорила. —
Я сама человеком была лишь вчера».

47

Поглядите на мастера глиняных дел:
Месит глину прилежно, умен и умел.
Приглядитесь внимательней: мастер — безумен,
Ибо это не глина, а месиво тел!

20

48

Сей кувшин, принесенный из погребка,
Был влюбленным красавцем в былые века.
Это вовсе не ручка на горле кувшинном —
А обвившая шею любимой рука.

49

Ни держава, ни полная злата казна —
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна * —
Не дороже затычки от кувшина!

50

На зеленых коврах хорасанских * полей
Вырастают тюльпаны из крови царей,
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...

21

51

В этой тленной Вселенной в положенный срок
Превращаются в прах человек и цветок.
Кабы прах испарялся у нас из-под ног —
С неба лился б на землю кровавый поток!

52

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась —
Как уже осыпается роза моя.

53

Половина друзей моих погребена.
Всем судьбой уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.

54

Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность — птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, в даль.

55

Мастер, шьющий палатки из шелка ума *,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайам! Оборвется непрочная нитка.
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

56

Мы — послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

23

57

Даже гений — творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди — покуда стоят небеса!

58

Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

59

Я спустился однажды в гончарный подвал,
Там над глиной гончар, как всегда, колдовал.
Мне внезапно открылось: прекрасную чашу
Он из праха отца моего создавал!

24

60

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна,
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

61

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

62

В детстве ходим за истиной к учителям,
После — ходят за истиной к нашим дверям.
Где же истина? Мы появились из капли.
Станем — ветром *. Вот смысл этой сказки, Хайам!

25

63

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

64

Все, что в мире нам радует взоры, — ничто.
Все стремления наши и споры — ничто.
Все вершины Земли, все просторы — ничто.
Все, что мы волочем в свои н о р ы, — ничто.

65

В этом мире ты мудрым сльвешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
До ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

26

66

Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто.
Что от прожитой жизни осталось? Ничто.
Был я жарко пылавшей свечой наслажденья.
Все, казалось, — мое. Оказалось — ничто.

67

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:
Пить вино, слушать чанг * и красавиц ласкать —
Все равно тебе с этим придется расстаться.
Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

68

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон:
Деньги, истину, жизнь — все поставит на кон!
Шариат и Коран * — для него не закон.
Кто на свете, скажите, отважней, чем он?

27

69

В божий храм не пускайте меня на порог.
Я — безбожник. Таким сотворил меня бог.
Я подобен блуднице, чья вера порок.
Рады б грешники в рай — да не знают дорог.

70

Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Словно лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекло нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

71

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, — не могу.

28

72

Ты не очень-то щедр, всемогущий творец:
Сколько в мире тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

73

Жизнь — пустыня, по ней мы бредем нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину —
Между тем он давно в небесах предрешен.

74

Вместо солнца весь мир озарить — не могу,
В тайну сущего дверь отворить — не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

29

75

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

76

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска —
То и плакать об этом не стоит, друзья!

77

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

78

Ты не волен в желаньях своих и делах?
Все равно будь доволен: так хочет Аллах!
Следуй разуму: помни, что бренное тело —
Только искра и капля, только ветер и прах *...

79

Веселись! Ибо нас не спросили вчера.
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Все за нас в небесах предрешили вчера *.

80

Бренность мира узрев, горевать погоди!
Верь: недаром колотится сердце в груди.
Не горюй о минувшем: что было — то сплыло.
Не горюй о грядущем: туман впереди...

31

81

Если б мог я найти путеводную нить,
Если б мог я надежду на рай сохранить, —
Не томился бы я в этой тесной темнице,
А спешил место жительства переменить!

82

В этом замкнутом круге — крути не крути —
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире — прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

83

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

32

84

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно творец!

85

Двери в рай всемогущий господь затворил
Для того, кто из глины бутылку сотворил*.
Как же быть, милосердный, с бутылкой из тыквы?
Ты об этом, по-моему, не говорил!

86

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
Неспособны бессильные наши умы.
В тот момент, когда с глаз упадет завеса,
В прах бесплотный, в ничто превращаемся мы.

87

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

88

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

89

Ни от жизни моей, ни от смерти моей
Мир богаче не стал и не станет бедней.
Задержусь ненадолго в обители сей —
И уйду, ничего не узнавши о ней.

34

90

Ты не слушай глупцов, умудренных житем.
С молодой уроженкой Тараза * вдвоем
Утешайся любовью, Хайам, и питьем,
Ибо все мы бесследно отсюда уйдем...

91

Видит бог: не пропившись, я пить перестал,
Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
Пил — утешить хотел безутешную душу.
Всей душою влюбившись, я пить перестал.

92

Были б добрые в силе, а злые слабы —
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость —
Не роптали бы мы на превратность судьбы.

35

93

Тайну вечности смертным постичь не дано.
Что же нам остается? Любовь и вино.
Вечен мир или создан — не все ли равно,
Если нам без возврата уйти суждено?

94

И седых стариков, и румяных юнцов —
Всех одно ожидает в конце-то концов.
Задержаться в живых никому не удастся —
Не помилует смерть ни детей, ни отцов.

95

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему — все обманчиво тут.
Поколения смертных придут — и уйдут.
Рви цветы — и тебя в свое время сорвут.

96

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Пей вино и на чанге * играй веселей,
Ибо жизнь коротка, ибо нету возврата
Для ушедших отсюда... Поэтому — пей!

97

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
Я до встречи с тобой горевал и скучал.
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

98

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу-богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

37

99

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

100

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

101

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход — не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

38

102

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

103

Нищим дервишем * ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот,
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот.

104

Снова туча на землю роняет слезу.
Трезвый, этого зрелища я не снесу.
Нынче мы, на траве развалясь, отдыхаем —
Завтра будем лежать под травой, внизу.

39

105

Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела,
Ни покоя в душе, ни двора, ни кола.
Только горестей вдоволь судьба мне дала.
Что ж, Хайам, хоть за это Аллаху хвала!

106

От судьбы мне всегда достаются плевки,
Жизнь слагается воле моей вопреки,
И душа собирается тело покинуть:
«Больно стены ж и л ь я , — говорит, — не крепки!»

107

Пей вино! Нам с тобой не заказано пить,
Ибо небо намерено нас погубить.
Развалясь на траве, произросшей из праха,
Пей вино! И не надо судьбу торопить.

108

Все пройдет — и надежды зерно не взойдет,
Все, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Все твое достоянье врагу отойдет.

109

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

110

До того, как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глотка перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.

41

111

До рождения ты не нуждался ни в чем,
А родившись, нуждаться во всем обречен.
Только сбросивши гнет ненасытного тела,
Снова станешь свободным, как бог, богачом.

112

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не надейся и ты на возврат.

113

Вот лицо мое — словно прекрасный тюльпан,
Вот мой стройный, как ствол кипарисовый, стан.
Одного, сотворенный из праха *, не знаю:
Для чего этот облик мне скульптором дан?

114

Если б мне этой жизни причину постичь —
Я сумел бы и нашу кончину постичь.
То, чего не постиг я, в живых пребывая,
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

115

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где уток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание — где ж?

116

Этой чаше рассудок хвалу воздает,
С ней влюбленный целуется ночь напролет,
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает — и об землю без жалости бьет!

43

117

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
Кто не помнит утех, не прощает обид.
Пой, покуда у чанга * не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

118

В сад тенистый с тобой удалившись вдвоем,
Мы вина в пиалу, помолившись, нальем.
Скольких любящих, боже, в безумье своем
Превратил ты в сосуд, из которого пьем!

119

Старость — дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

120

Нет на свете тиранов злобней и жадней,
Чем земля и жестокое небо над ней.
Распороть бы земле ненасытное брюхо:
Сколько в нем засверкает бесценных камней!

121

Двери в этой обители: выход и вход.
Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
Кто совсем не родился — счастливее тот.

122

Добровольно сюда не явился бы я.
И отсюда уйти не стремился бы я.
Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился
Никуда. Никогда. Не родился бы я.

45

123

Над землей небосвод наклоняется вновь,
Как над чашей кувшин. Между ними любовь.
Только хлещет на землю не кровь винограда,
А сынов человеческих алая кровь.

124

Двести лет проживешь или тысячу лет —
Все равно попадешь муравьям на обед.
В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
Падишах или пьяница — разницы нет!

125

Этот мир красотой Хайама пленил,
Ароматом и цветом своим опьянил.
Но источник с живою водою — иссякнет,
Как бы ты бережливо его ни хранил!

126

Я скажу по секрету тебе одному:
Смысл мучений людских недоступен уму.
Нашу глину Аллах замесил на страданиях *:
Мы выходим из тьмы, чтобы кануть во тьму!

127

Если гурия страстно целует в уста,
Если твой собеседник мудрее Христа *,
Если лучше небесной Зухры * музыкантша —
Все не в радость, коль совесть твоя не чиста!

128

Угнетает людей небосвод-мироед:
Он ссужает их жизнью на несколько лет.
Знал бы я об условиях этих кабальных —
Предпочел бы совсем не родиться на свет !

47

129

Милосердия, сердце мое, не ищи.
Правды в мире, где ценят вранье, — не ищи.
Нет еще в этом мире от скорби лекарства.
Примиришь — и лекарств от нее не ищи.

130

Плачет роза под прессом: «Зачем из меня
Соки жмут перегонщики, масло гоня?»
«Годы горя и слез, — соловей отвечает, —
Вот цена одного безмятежного дня!»

131

Шел я трезвый — веселья искал и вина.
Вижу: мертвая роза — суха и черна.
«О несчастная! В чем ты была виновата?»
«Я была чересчур весела и пьяна!»

132

Семь небес или восемь *? По-разному врут.
Важно то, что меня они в прах разотрут.
И какая мне разница: черви в могиле
Или волки в степи мое тело сожрут?

133

О мудрец! Коротай свою жизнь в погребке.
Праха великих властителей — чаша в руке.
Все, что кажется прочным, незыблемым, вечным, —
Лишь обманчивый сон, лишь мираж вдалеке...

134

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

135

Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба —
Мне плевать на твою справедливость, творец!

136

Неужели таков наш ничтожный удел:
Быть рабами своих вожделирующих тел?
Ведь еще ни один из живущих на свете
Вожделений своих утолить не сумел!

137

Много ль проку в уме и усердье твоём,
Если жизнь — краткосрочный кабальный заем?
Есть ли смысл заключенным в тюрьму
сокрушаться,
Что явились мы поздно и рано уйдем?

138

Если б мне всемогущество было дано —
Я бы небо такое низринул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

139

Плачь — не плачь, а придется и нам умереть.
Небольшое несчастье — однажды истлеть.
Горстка грязи и крови... Считай, что на свете
Нас и не было вовсе. О чем сожалеть?

140

Мы попали в сей мир, как в силок — воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

141

Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой,
Что сердца наполняются смертной тоской.
Счастлив тот, кто ее поскорее покинет.
Кто совсем не родится — познает покой.

142

О душа! Ты меня превратила в слугу.
Я твой гнет ощущаю на каждом шагу.
Для чего я родился на свет, если в мире
Все равно ничего изменить не могу?

143

И того, кто умен, и того, кто красив,
Небо в землю упрячет, под корень скосив.
Горе нам! Мы истлеем без пользы, без цели.
Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

144

Мне одна лишь отрада осталась: в вине.
От вина лишь осадок остался на дне.
От застольных бесед ничего не осталось.
Сколько жить мне осталось — неведомо мне.

145

Когда голову я под забором сложу,
В лапы смерти, как птица в ощип, угожу —
Завещаю: кувшин из меня изготовьте,
Приобщите меня к своему кутежу!

146

Долго ль спину придется мне гнуть или нет,
Скоро ль мне суждено отдохнуть или нет —
Что об этом вздыхать, если даже вздыхая,
Я не знаю: успею вздохнуть или нет?

53

147

Жизнь — мираж. Тем не менее — радостным будь.
В страсти и в опьянении — радостным будь.
Ты мгновение жил — и тебя уже нету.
Но хотя бы мгновение — радостным будь!

148

Рано утром я слышу призыв кабака:
«О безумец, проснись, ибо жизнь коротка!
Чашу черепа скоро наполнят землю.
Пьяной влагою чашу наполним пока!»

149

Лучше сердце обрадовать чашей вина,
Чем скорбеть и былые хвалить времена.
Трезвый ум налагает на душу оковы.
Опьянев, разрывает оковы она.

150

От безбожья до бога — мгновенье одно.
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!

151

Некто мудрый внушал задремавшему мне:
«Просыпайся, счастливым не станешь во сне.
Брось ты это занятие, подобное смерти.
После смерти, Хайам, отоспишься вполне!»

152

Принесите вина — надоела вода!
Чашу жизни моей наполняют года.
Не к лицу старику притворяться непьющим.
Если нынче не выпью вина — то когда?

153

Мертвецам все равно: что минута — что час,
Что вода — что вино, что Багдад — что Шираз*.
Полнолуние сменится новой луною
После нашей гибели тысячи раз.

154

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любой подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

155

То, что бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, займы не прося.

56

156

Виночерпий, налей в мою чашу вина!
Этой влагой целебной упьюсь допьяна,
Перед тем как непрочная плоть моя будет
Гончарами в кувшины превращена.

157

Принеси заключенный в кувшине рубин —
Он один мой советчик и друг до седин.
Не сиди, размышляя о бренности жизни, —
Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

158

Пристрастился я к лицам румянее роз,
Пристрастился я к соку божественных лоз.
Из всего я стараюсь извлечь свою долю,
Пока частное в целое не влилось.

159

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилося у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке —
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

160

В окруженье друзей, на веселом пиру
Буду пить эту влагу, пока не умру!
Буду пить из прекрасных гончарных изделий,
До того как сырем послужить гончару.

161

Не выращивай в сердце печали росток,
Книгу радостей выучи назубок,
Пей, приятель, живи по велению сердца:
Неизвестен отпущенный смертному срок.

162

Так как все за меня решено в вышине
И никто за советом не ходит ко мне —
Зачерпни-ка мне в чашу вина, виначерпий:
Выпьем! Горести мира утопим в вине.

163

Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину!

164

Оттого, что не праведен мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай,
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.

59

165

Тот, кто мир преподносит счастливым в дар,
Остальным — за ударом наносит удар.
Не горюй, если меньше других веселился.
Будь доволен, что меньше других пострадал.

166

Как прекрасны и как неизменно новы
И румянец любимой, и зелень травы!
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

167

Встанем утром и руки друг другу пожмем,
На минуту забудем о горе своем,
С наслажденьем вдохнем этот утренний воздух,
Полной грудью, пока еще дышим, вздохнем!

168

В жизни трезвым я не был, и к богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!
До зари я лобзаю заздравную чашу,
Обнимаю за шею любезный сосуд.

169

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Все равно ты судьбу за подол не ухватишь —
Ухвати хоть красавицу за подол!

170

Лунолика! Чашу вина и греха
Пей сегодня — на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.

61

171

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
Ни святошей не быть, ни безбожником злым.
Я спросил у судьбы о размере калыма.
«Твое сердце, — сказала, — достойный калым!»

172

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без устали хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили — и друг, и любовь.

173

Травка блещет, и розы горят на кустах...
В нашей утренней радости кроется страх,
Ибо мы оглянуться с тобой не успеем —
Скосят травку, а розы рассыплются в прах.

174

Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух.
Пусть я пьяным напился и взор мой потух —
Дай мне чашу вина! Ибо мир этот — сказка,
Ибо жизнь — словно ветер, а мы — словно пух...

175

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
Разрешит все вопросы сковорода!»

176

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Это чаша, которая ходит по кругу.
Не стони — и тебя не минует она.

63

177

Когда ветер у розы подол разорвет,
Мудрый тот, кто кувшин на двоих разоплет
На лужайке с подругой своей белогрудой
И об камень ненужный сосуд разобьет!

178

Встань и полную чашу налей поутру,
Не горюй о неправде, царящей в миру.
Если б в мире законом была справедливость —
Ты бы не был последним на этом пиру.

179

Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто.
Жизнь в разладе с певучей струною — ничто.
Сколько я ни вникаю в дела под луною:
Наслаждение — все, остальное — ничто!

180

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

181

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того как суставы твои распадутся —
Утешайся с любимой, лаская ее.

182

Следуй верным путем бесшабашных гуляк:
Позови музыкантов, на ложе возляг,
В изголовье — кувшин, п и а л а , — на ладони,
Не болтай языком — на вино приналяг!

183

Чем стараться большое именье нажить,
Чем себе, закоснев в самомненье, служить,
Чем гоняться до смерти за призрачной славой —
Лучше жизнь, как во сне, в опьяненье прожить!

184

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

185

Речка. Нива за речкою. Розы цветут.
Вижу: юные гурии мимо идут.
Принеси мне вина, не зови на молитву.
Те, что пьют спозаранку, — Аллаха не чтут!

186

Ты не знаешь, о чем петухи голосят?
Не о том ли, что мертвых не воскресят?
Что еще одна ночь истекла безвозвратно,
А живые, об этом не ведая, спят?

187

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь —
Все сожрет без остатка наследник-злодей.

188

Злое небо над нами расправу вершит.
Им убиты Махмуд и могучий Джамшид *.
Пей вино, ибо нету на землю возврата
Никому, кто под этой землею лежит.

189

Не пекись о грядущем. Странанье — удел
Дальновидных вершителей завтрашних дел.
Этот мир и сегодня для сердца не тесен —
Лишь бы долю свою отыскать ты сумел.

190

«Как там — в мире ином?» — я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! — ответил. — Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока».

191

Если сердце мое отобьется от рук —
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак, узколобый невежда,
Выпив лишку — Джамшидом становится вдруг.

68

192

Вереницею дни-сороходы идут,
Друг за другом закаты, восходы идут.
Виночерпий! Не надо скорбеть о минувшем.
Дай скорее вина, ибо годы идут.

193

День прекрасен: ни холод с утра, ни жара.
Ослепителен блеск травяного ковра,
Соловей над раскрытою розой с утра
Надрывается: братья за чашу пора!

194

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Чанг * настрой и на чанге играй веселей,
Ибо в прах превратило и Джама и Кея *
Это вечное круговращение дней.

195

Лунным светом у ночи разорван подол.
Ставь кувшин поскорей, виночерпий, на стол!
Когда мы удалимся из дольного мира,
Так же будет луна озарять этот дол.

196

Научась отличать свои руки от ног,
Я рукой шевельнуть самовольно не мог.
Жаль, что в счет мне поставят бесплодные годы,
Когда не был я пьян, когда был одинок.

197

Пей вино, ибо радость телесная — в нем.
Слушай чанг *, ибо сладость небесная — в нем.
Променяй свою вечную скорбь на веселье,
Ибо цель, никому не известная, — в нем.

198

Что меня ожидает — неведомо мне,
Скорбь рождает раздумье о завтрашнем дне.
Пей, Хайам! Не пролей ни глотка этой влаги,
Этой жизни, которой все меньше на дне.

199

Всем сердечным движениям волю давай,
Сад желаний возделывать не уставай,
Звездной ночью блаженствуй на шелковой травке:
На закате — ложись, на рассвете — вставай.

200

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

71

201

Лживой книжной премудрости лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
До того как судьба твои кости иссушит —
Лучше чашу без устали осушать!

202

Приходи — и не будем о прошлом тужить,
Будем пить и минутой сегодняшней жить.
Завтра, вслед за другими, ушедшими прежде,
Нам в дорогу пожитки придется сложить.

203

Отврати свои взоры от смены времен,
Весел будь неизменно, влюблен и хмелен.
Не нуждается небо в покорности нашей —
Лучше пылкой красавицей будь покорен!

204

Чем пустыми мечтами себя донимать —
Лучше полный кувшин до утра обнимать!
Дочь лозы — эта влага у нас под запретом,
Но запретная дочка желанней, чем мать.

205

Те, что жили на свете в былые года,
Не вернуться обратно сюда никогда.
Наливай нам вина и послушай Хайама:
Все советы земных мудрецов — как вода...

206

Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии*.
Кроме чаши вина — утешения нет!

207

Беспощадна судьба, наши планы круша.
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

208

Пей вино, ибо жизнь продлевает оно,
В душу вечности свет проливает оно.
В эту пору цветов, винограда и пьяниц
Быть веселыми повелевает оно!

209

Если есть у тебя для жилья закуток —
В наше подлое время — и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок.

210

Слышал я, что в раю, мол, сады и луга,
Реки меда, кисельные, мол, берега.
Дай мне чашу вина! Не люблю обещаний.
Мне наличность презренная дорога.

211

Тучам солнца высокого не потушить.
Горю сердца веселого не сокрушить.
Для чего нам к неведомой цели спешить?
Лучше пить и в свое удовольствие жить!

212

Виночерпий, налей в мою чашу огня!
Надоела хвастливых друзей болтовня.
Дай мне полный кувшин этой пламенной влаги,
Прежде чем изготовят кувшин из меня.

75

213

Виночерпий, опять моя чаша пуста!
Чистой влаги иссохшие жаждут уста,
Ибо друга иного у нас не осталось,
У которого совесть была бы чиста.

214

Наливай нам вина, хоть болит голова.
Хмель дарует нам равные с богом права.
Наливай нам вина, ибо жизнь — быстротечна,
Ибо все остальное на свете — слова!

215

Встань, Хайама поздравь с наступающим днем
И хрустальную чашу наполни огнем.
Помни: этой минуты в обители тлена
Мы с тобою уже никогда не вернем.

216

Трезвый, я замыкаюсь, как в панцире краб.
Напиваясь, я делаюсь разумом слаб.
Есть мгновенье меж трезвостью и опьянением.
Это — высшая правда, и я — ее раб!

217

Смертный, если не ведаешь страха — борись.
Если слаб — перед волей Аллаха смирись.
Но того, что сосуд, сотворенный из праха,
Прахом станет — оспаривать не берись.

218

Все недуги сердечные лечит вино.
Муки разума вечные лечит вино.
Эликсира забвения и утешенья
Не страшитесь, увечные, — лечит вино!

219

Мир — капкан, от которого лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
Пламя скорби гаси утешительной влагой.
Ветру смерти не дай себя с прахом смешать.

220

Долго ль будешь скорбеть и печалиться, друг,
Сокрушаться, что жизнь ускользает из рук?
Пей хмельное вино, в наслажденьях усердствуй,
Веселясь, совершай предначертанный круг!

221

Что за утро! Налей-ка, не мешкая, мне
Что там с ночи осталось в кувшине на дне.
Прелесть этого утра душою почувствуй —
Завтра станешь бесчувственным камнем в стене.

78

222

Круглый год неизменно вращенье Плеяд.
В книге жизни страницы мелькают подряд.
Пей вино. Не горюй. «Горе — медленный яд,
А лекарство — вино», — мудрецы говорят.

223

За страданья свои небеса не кляни.
На могилы друзей без рыданья взгляни.
Оцени мимолетное это мгновенье.
Не гляди на вчерашний и завтрашний дни.

224

Разум к счастью стремится, все время твердит:
«Дорожи каждым мигом, пока не убит!
Ибо ты — не трава, и когда тебя скосят —
То земля тебя заново не возродит».

225

Жизнь — мгновенье. Вино — от печали бальзам.
День прошел беспечально — хвала небесам!
Будь доволен тебе предназначенной долей,
Не пытайся ее переделывать сам.

226

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна —
Не спеши отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня —
Завтра, может случиться, ударит она!

227

Я устами прижался к устам кувшина.
Долгой жизни спрашивал я у вина.
«Пей, — кувшин прошептал, — и не спрашивай
много,
Ибо участь твоя без меня решена».

80

228

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик: три аршина земли.

229

Дай вина, чтоб веселье лилось через край,
Чтобы здесь, на земле, мы извели рай!
Звучный чанг * принеси и душистые травы.
Благовония — жги, а на чанге — играй.

230

Я измучен любовью на старости лет,
Пью без памяти — этим спасаюсь от бед.
О торговцы вином! Вы, должно быть, в убыток
Свой товар продаете: цены ему нет! *

231

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

232

Всем известно, что я свою старость кляню.
Всем известно, что я пристрастился к вину,
Но не знают глупцы, что вино возвращает
Юность — старцу, усталому сердцу — весну.

233

Без вина я по жизни брести не могу,
Тяжесть трезвого тела нести не могу,
Жду, когда виночерпий напьется и скажет:
«Наливай себе сам — я, прости, не могу...»

234

О глупец, ты, я вижу, попал в западню,
В эту жизнь быстротечную, равную дню.
Что ты мечешься, смертный? Зачем суетишься?
Дай вина — а потом продолжай беготню!

235

Плеч не горби, Хайам! Не удастся и впредь
Черной скорби душою твоей овладеть.
До могилы глаза твои с радостью будут
На ручей, на зеленую ниву глядеть.

236

Не молящимся грешником надобно быть —
Веселящимся грешником надобно быть.
Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
Шутником и насмешником надобно быть.

237

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня убажать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

238

Нам обещаны гурии в мире ином.
Я хотел бы подольше остаться в земном.
Только издали бой барабанный приятен.
Не люблю пустозвонства. Дай чашу с вином!

239

Над Землею сверкает небесный Телец *.
Скрыл другого тельца под землею творец.
Что ж мы видим на пастбище между тельцами?
Миллионы безмозглых ослов и овец!

240

Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь!»
« Я , — сказала блудница, — и вправду такая.
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»

241

Пьянство слаще, чем слава великих мужей,
Пьянство богу милей, чем молитвы ханжей,
Наши пьяные песни и стоны с похмелья —
Несомненно, приятны для божьих ушей!

242

Я в мечеть не за праведным словом пришел,
Не стремясь приобщиться к основам пришел.
В прошлый раз утащил я молитвенный коврик,
Он истерся до дыр — я за новым пришел.

243

Мы чалму из тончайшего льна продадим,
И корону султана спьяна продадим,
Принадлежность святош — драгоценные четки,
Не торгуясь, за чашу вина продадим.

244

Мне твердят: «Ты утонешь, безбожник, в вине!»
Вдвое дозу уменьшить советуют мне.
Значит — утром не пить? Не согласен. С похмелья
Утром пьянице хочется выпить вдвойне.

245

Пей вино, ибо скоро уснешь на века.
Как тюльпана цветение — жизнь коротка.
В окруженье друзей, в тесноте погребка —
Пей вино! И о смерти — ни слова пока!

246

Если Ты не велишь мне глядеть на луну * —
Я, покорный Тебе, на нее не взгляну.
Это так же жестоко, как полную чашу
Поднести, запретив прикасаться к вину!

247

Не у тех, кто во прах государства поверг, —
Лишь у пьяных душа устремляется вверх!
Надо пить: в понедельник, во вторник, в субботу,
В воскресенье, в пятницу, в среду, в четверг.

248

Ты не верь измышленьям непьющих тихонь,
Будто пьяниц в аду ожидает огонь.
Если место в аду для влюбленных и пьяных —
Рай окажется завтра пустым, как ладонь!

249

Говорят: нас в раю ожидает вино.
Если так — то и здесь его пить не грешно.
И любви не грешно на земле предаваться —
Если это и на небе разрешено *.

250

Если пост я нарушу для плотских утех —
Не подумай, что я нечестивее всех.
Просто: постные дни — словно черные ночи *,
А ночами грешить, как известно, не грех!

251

Стоит власти над миром хороший глоток.
Выше истины выпивку ставит знаток.
Белоснежной чалмы правоверного шейха
Стоит этот, вином обгаренный, платок.

252

Покупаю вино, а блаженство в раю
Я любому, кто хочет купить, продаю.
Верь в обещанный рай, если хочется верить,
И ступай, куда хочешь, покуда я пью!

253

Я не знаю, куда, умерев, попаду:
Райский сад меня ждет или пекло в аду.
Но, пока я не умер, по-прежнему буду
Пить с подругой вино на лужайке в саду!

254

Не беда, что вино мне милей, чем вода,
Труд любовный — желанней любого труда.
Мне раскаянья бог никогда не дарует.
Сам же я не раскаюсь ни в чем никогда!

255

Пить вино зарекаться не должен поэт.
Преступившим зарок — оправдания нет.
Соловьи надрываются, розы раскрыты...
Разве можно давать воздержанья обет?!

256

Когда тело мое на кладбище снесут —
Ваши слезы и речи меня не спасут.
Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
А потом из меня изготовьте сосуд!

257

Напоите меня, чтоб уже не пилось,
Чтоб рубиновым цветом лицо налилось!
После смерти — вином мое тело омойте,
А носилки для гроба сплетите из лоз.

258

Мое тело омойте вином, чтобы бог
В Судный день без труда отыскать меня мог.
Отыскать меня просто: понюхайте землю
В харабате *, у входа в ночной погребок!

259

Буду пьянствовать я до конца своих дней,
Чтоб разило вином из могилы моей,
Чтобы пьяный, пришедший ко мне на могилу,
Стал от винного запаха вдвое пьяней!

260

К черту пост и молитву, мечеть и муллу!
Воздадим полной чашей Аллаху хвалу.
Наша плоть в бесконечных своих превращениях
То в кувшин превращается, то в пиалу.

261

Будь, как ринд *, завсегдаем всех кабаков,
Вечно пьяным, свободным от всяких оков,
Хоть разбойником будь на проезжей дороге:
Грабь богатых, добром одаряй бедняков!

262

Если выпьет гора — в пляс пойдет и она.
Жалок тот, кто не любит хмельного вина.
К черту ваши запреты! Вино — это благо.
Доброта человека вином рождена.

263

Нынче жажды моей не измерят весы.
В чан с вином окуну я сегодня усы!
Разведусь я с ученостью книжной и с верой,
В жены выберу дочь виноградной лозы.

264

Когда вырвут без жалости жизни побег,
Когда тело во прах превратится навек —
Пусть из этого праха кувшин изготовят
И наполнят вином: оживет человек!

265

Если ночью тоска подкрадется — вели
Дать вина. О пощаде судьбу не моли.
Ты не золото, пьяный глупец, и едва ли,
Закопав, откопают тебя из земли.

266

Если истину сердцу постичь не дано,
Для чего же напрасно страдает оно?
Примиришь и покорствуй бесстрастному року,
Ибо то, что предписано, — сбыться должно!

267

В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

268

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решенья,
А потом бунтарем называют меня!

269

Благородство и подлость, отвага и страх —
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
Мы такие, какими нас создал Аллах!

270

От неожиданного счастья, глупец, не шалей.
Если станешь несчастным — себя не жалеи.
Зло с добром не вали без разбора на небо:
Небу этому в тысячу раз тяжелей!

271

Все, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам *.
Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях.
Нет смысла страдать и печалиться нам.

272

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая — любовь.
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, — любовь!

273

Небо сердцу шептало: «Я знаю — меня
Ты поносишь, во всех своих бедах вина.
Если б небо вращеньем своим управляло —
Ты бы не было, сердце, несчастным ни дня!»

274

Ты меня сотворил из земли и воды.
Ты — творец моей плоти, моей бороды.
Каждый умысел мой предначертан тобою.
Что ж мне делать? Спасибо сказать за труды?

275

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали —
Мы покорными стали. Не наша вина.

276

Где вчерашние юноши, полные сил?
Всех без жалости серп небосвода скосил.
Горевать бесполезно: что было — то сплыло.
Дай вина, чтобы смертный бессмертья вкусил!

277

Нам — вино и любовь, вам — кумирня и храм.
Пекло нам уготовано, гурии — вам.
В чем же наша вина, если все наши судьбы
Начертал на скрижалях предвечный калам *?

278

Много ль проку от наших молитв и кадил?
В рай лишь тот попадет, кто не в ад угодил.
Что кому на роду предначертано будет —
До начала творенья господь утвердил!

279

«Надо жить, — нам внушают, — в постах и труде.
Как живете вы — так и воскреснете-де!»
Я с подругой и с чашей вина неразлучен —
Чтобы так и проснуться на Страшном суде.

280

Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивцем, смутьяном — воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайамом. Воистину так!

281

Мир чреват одновременно благом и злом:
Все, что строит, — немедля пускает на слом.
Будь бесстрашен, живи настоящей минутой,
Не пекись о грядущем, не плачь о былом.

98

282

Да пребудет со мною любовь и вино!
Будь что будет: безумье, позор — все равно!
Чему быть суждено — неминуемо будет,
Но не больше того, чему быть суждено.

283

Кипарис языками, которых не счесть,
Не болтает. Хвала кипарису и честь!
А тому, кто одним языком обладает,
Но болтлив, — не мешало бы это учесть...

284

Муж ученый, который мудрее муллы,
Но бахвал и обманщик, — достоин хулы.
Муж, чье слово прочнее гранитной скалы, —
Выше мудрого, выше любой похвалы!

285

Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят, —
Все на свете понять и изведать хотят.
Выпьют чашу до дна — и лишатся сознания,
И в объятиях смерти без памяти спят.

286

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

287

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

288

Из верчения гончарного круга времен
Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
Или пьяный, привычный к вращению мира,
Ничего ровным счетом не смыслящий в нем!

289

Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы падших — соленые волны морей,
Рай — блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень — лишь отблеск угасших страстей.

290

Хоть мудрец — не скупец и не копит добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра!

291

Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось
Утолить свою страсть без мучений и слез?
Дал себя распилить черепаховый гребень,
Чтобы только коснуться любимых волос!

292

Пей с достойным, который тебя не глупей,
Или пей с луноликой любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей.

293

Много мыслей в моей голове, но увы:
Если выскажу их — не сносить головы!
Только эта бумага достойна доверья.
О друзья, недостойны доверия вы!

294

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы — но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть!

295

Когда песню любви запоют соловьи —
Выпей сам и подругу вином напои.
Видишь: роза раскрылась в любовном томленьи?
Утоли, о влюбленный, желанья свои!

296

Пью не ради запретной любви к питию,
И не ради веселья душевного пью,
Пью вино потому, что хочу позабыться,
Мир забыть и несчастную долю свою.

103

297

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
Ад и рай — это две половины души.

298

Пью с умом: никогда не буяню спьяна.
Жадно пью: я не жаден, но жажда сильна.
Ты, святоша и трезвенник, занят собою —
Я себя забываю, напившись вина!

299

Пью вино, ибо скоро в могиле сгнию.
Пью вино, потому что не верю вранью
Ни о вечных мучениях в жизни загробной,
Ни о вечном блаженстве на травке в раю.

104

300

Попрекают Хайама числом кутежей
И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки —
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей?!

301

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — дается на время,
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

302

Вновь на старости лет я у страсти в плену.
Разве иначе я пристрастился б к вину?
Все обеты нарушил возлюбленной ради
И, рыдая, свое безрассудство клянчу.

303

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой — мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

304

Мне с похмелья лекарство одно принеси,
Если мускусом пахнет оно, принеси,
Если вылечить хочешь Хайама от скорби —
Ранним утром Хайаму вино принеси.

305

Этот райский, с ручьями журчащими, край —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

306

Как проснусь — так устами к кувшину прильну.
Пусть лицо мое цветом подобно вину.
Буду пить, а назойливому рассудку,
Если что-то останется — в морду плесну!

307

Если жизнь все равно неизбежно пройдет —
Так пускай хоть она безмятежно пройдет!
Жизнь тебя, если будешь веселым, утешит,
Если будешь рыдать — безутешно пройдет.

308

Влагу, к жизни тебя возродившую, пей,
Влагу, юность тебе возвратившую, пей,
Эту алую, с пламенем схожую, влагу,
В радость горе твое превратившую, пей!

107

309

Если хочешь слабеющий дух укрепить,
Если скорбь свою хочешь в вине утопить,
Если хочешь вкусить наслаждение — помни,
Что вино неразбавленным следует пить!

310

Пей вино, ибо друг человеку оно,
Для усталых — подобно ночлегу оно,
Во всемирном потоке, бушующем в душах,
В море скорби — подобно ковчегу оно.

311

Если гурия кубок наполнит вином,
Лежа рядом со мной на ковре травяном, —
Пусть меня оплюют и смешают с дерьмом,
Если стану я думать о рае ином!

312

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

313

Нам дорогу забыть к харабату * нельзя,
Доброй славы добыть и за плату нельзя.
Веселитесь! Чадра добродетели нашей
В дырах вся — и поставить заплату нельзя.

314

Мы грешим, истребляя вино. Это так.
Из-за наших грехов процветает кабак.
Да простит нас Аллах милосердный! Иначе
Милосердие божье проявится как?

315

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай! *

316

Ты кувшин мой разбил, всемогущий господь,
В рай мне дверь затворил, всемогущий господь,
Драгоценную влагу ты пролил на камни —
Ты, видать, перепил, всемогущий господь?

317

Пусть хрустальный бокал и осадок на дне
Возвещают о дне наступающем мне.
Горьким это вино иногда называют.
Если так — значит, истина скрыта в вине!

318

Каждый молится богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.

319

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц —
То кого же прикажете в рай допускать?

320

Когда друг ваш очутится в мире ином —
Помяните ушедшего чистым вином.
Когда чаша по кругу дойдет до Хайама,
Кверху дном опрокиньте ее, кверху дном!

321

Мы не ропщем и рабских поклонов не бьем,
Мы, надеясь на милость всевышнего, пьем.
Грех ценней добродетели, ибо всевышний
Должен что-то прощать в милосердьи своем!

322

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

323

Светоч мысли, сосуд сострадания — мы.
Средоточие высшего знания — мы.
Изреченье на этом божественном перстне,
На бесценном кольце мироздания — мы!

324

Вместо розы — колючка сухая сойдет.
Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
Если нет под рукою муллы и мечети —
Поп сгодится и вера чужая сойдет!

325

Скакуна твоего, небом избранный шах *,
Подковал золотыми гвоздями Аллах,
Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
Чтоб копыта его не ступали во прах.

326

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чаши наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедшего чистым вином!

327

Из сиреновой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин.

328

Боже, скуку смертельную нашу прости,
Эту муку похмельную нашу прости,
Эти ноги, бредущие к харабату *,
Эту руку, обнявшую чашу, прости!

329

Если вдруг на тебя снизошла благодать —
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

330

Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина.
Горек вкус у налитого в чарку рубина —
Эта горечь всей сладости мира равна.

331

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим —
Может статься, тогда и полюбят тебя.

332

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

333

В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.

334

Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.

335

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.
А для сердца влюбленного — день, проведенный
Без возлюбленной, — самый пропащий из дней!

336

Убывает гордыня в сердцах от вина,
Сущность мира становится ясно видна.
Выпив чарку, смирился бы сам Сатана.
До земли поклонился б Адаму спьяна *!

337

Алый лал наливай в пиалу из ковша,
Пиала — это тело, а влага — душа.
Улыбается весело полная чаша,
Слезы сердца осушишь, ее осуша.

338

Мне хмельное вино помогает зело:
Забываюсь, когда на душе тяжело.
Отчего же оно называется зельем?
Это благостный дух, побеждающий зло!

339

Пусть я плохо при жизни служил небесам,
Пусть грехов моих груз не под силу весам —
Полагаюсь на милость Единого, ибо
Отродясь никогда не двуличничал сам!

340

Не растрчивай эту двухдневную жизнь *:
Получивши отсрочку — с вином подружись.
С виду прочное здание держится еле —
Так что, пьяный, и ты на ногах не держись!

341

Смерть я видел, и жизнь для меня — не секрет.
Снизу доверху я изучил этот свет.
Вот вершина моих наблюдений: на свете
Ничего, опьянению равного, нет!

118

342

Утром лица тюльпанов покрыты росой,
И фиалки, намокнув, не блещут красой.
Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
Чуть заметно подол приподнявшая свой.

343

«Снизойди, — меня сердце просило, — к мольбе:
Научи меня истине, ясной тебе!»
«А!» — сказал я. «Достаточно! — сердце сказало. —
Много ль надо ума, чтобы вымолвить «Бэ»?»

344

Сердце слепо — само в западню норовит,
То впадает в соблазн, то молитву творит.
Скучно быть новичком неумелым в мечети,
Лучше будь в харабате *, Хайам, знаменит!

345

Словно роза в жасмине — вино в пиале.
Ярко-алое в белом — как пламень в золе.
Прочь сравнения, — ибо вино несравненно:
Это влага, чреватая всем на земле! *

346

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянья бог никогда не дарует,
Ну а если дарует — зачем оно мне?

347

Жить до старости — боже тебя сохрани!
Проводи во хмелю свои ночи и дни,
Пока чашу еще из тебя не слепили,
Сам из рук своих чашу не урони.

348

Вожделя, желаний своих не таи.
В лапах смерти угаснут желанья твои.
А пока мы не стали безжизненным прахом —
Виночерпий, живую водой напои!

349

Те, что ищут забвения в чистом вине,
Те, что молятся богу в ночной тишине, —
Все они, как во сне, над разверзнутой бездной,
А Единый над ними не спит в вышине!

350

Не давай убаюкать себя похвалой —
Меч судьбы занесен над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой!

351

Смерти я не страшусь, на судьбу не ропщу,
Утешенья в надежде на рай не ищу,
Душу вечную, данную мне ненадолго,
Я без жалоб в положенный срок возвращу.

352

Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал.

353

Что сравню во вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?

354

Трудно замыслы божьи постичь, старина.
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!

355

Если я напиваюсь и падаю с ног —
Это богу служение, а не порок.
Не могу же нарушить я замысел божий,
Если пьяницей быть предназначил мне бог!

356

Пить Аллах не велит не умеющим пить,
С кем попало, без памяти смеющим пить,
Но не мудрым мужам, соблюдающим меру,
Безусловное право имеющим пить!

357

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал, в погоне за истиной, сух и угрюм.
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

358

О вино! Ты прочнее веревки любой.
Разум пьющего крепко опутан тобой.
Ты с душой обращаешься, словно с рабой,
Стать ее заставляешь самую собой.

359

Весь Коран *, к сожалению, не каждый прочтет.
Лишь томимый духовною жаждой прочтет,
А пресветлый аят *, опоясавший чашу,
Каждый пьющий не раз и не дважды прочтет!

360

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрузи.
Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
А непьющий святоша — хоть камни грызи!

361

Розан хвастал: «Иосиф Египетский я *,
Отрок, проданный в рабство в чужие края».
Я сказал: «Предъяви доказательства, розан».
— «Вот покрытая кровью рубашка моя!»

362

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

363

Все святые сегодня творят чудеса:
Землю влагой живою кропят небеса,
Каждой ветки рукою коснулся Муса *,
В каждой малой травинке проснулся Иса *.

364

Погребок — наша Мекка, вино — наша страсть,
Не боимся в число нечестивцев попасть,
В душах винный осадок — мы выпили власть,
Все стихии над нами утратили власть!

365

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли — огня лишена.
А любовь настоящая жарко пылает,
Сна и отдыха, ночи и дня лишена.

366

Роза после дождя не просохла еще.
Жажда в сердце моем не заглохла еще.
Еще рано каба́к закрывать, виночерпий,
Солнце светит в оконные стекла еще!

367

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях — останься царем!

368

Если бог не услышит меня в вышине —
Я молитвы свои обращу к сатане.
Если богу желанья мои неуютны —
Значит, дьявол внушает желания мне!

369

Если я согрешил — то не сам по себе.
Путь земной совершил я не сам по себе.
Где я был? Кто я был? Жил впотьмах, исполняя
Все, что Он предрешил, а не сам по себе.

370

Для достойного — нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных — вот истинный ад!

371

Разум мой не силен и не слишком глубок,
Чтобы замыслов божьих распутать клубок.
Я молось и Аллаха понять не пытаюсь —
Сущность бога способен постичь только бог.

372

Ты задался вопросом: что есть Человек?
Образ божий. Но логикой бог пренебрег:
Он его извлекает на миг из пучины —
И обратно в пучину швыряет навек.

373

Веселясь беззаботно, греша без конца,
Не теряю надежды на милость творца.
Снова, пьяный мертвецки, лежу под забором.
Лягу в землю — создатель простит мертвеца!

374

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед богом — увы!

375

Ты, о небо, за горло счастливица берешь,
Ты рубаху, в которой родился он, рвешь,
Ветер — в пламя и воду — во прах превращая *,
Ни вздохнуть, ни напиться ему не даешь.

376

Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд,
После смерти на небо тебя вознесут!
Там — ты дома, а здесь — ты в неволе у тела,
Ты стыдишься того, что находишься тут.

377

«Брось вино! Попадешь, — мне пророчат, — в беду:
В день Суда испекут тебя черти в аду!»
Это так. Но не лучше ли вечного рая
Миг божественной истины в пьяном бреду?

378

Пощади меня, боже, избавь от оков!
Их достойны святые — а я не таков.
Я подлец — если ты не жесток с подлецами.
Я глупец — если жалуешь ты дураков.

379

Согрешив, ни к чему себя адом страшать,
Стать безгрешным не надо, Хайам, обещать.
Для чего милосердному богу безгрешный?
Грешник нужен всевышнему — чтобы прощать!

380

О жестокое небо, безжалостный бог!
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем, —
Ты немедля еще добавляешь ожог.

381

Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

382

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
Книгу славы мирской никогда не листал,
Кто, как птица Симвург *, отрешился от мира,
Но совою, подобно Хайаму, не стал.

383

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

384

Увидав черепки — не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них — а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

385

Дом разрушу, последний кирпичик в стене
Я отдам за вино, ненавистное мне.
«Чем расплатишься завтра?» — Чалмой и халатом.
Не Марьям * соткала их — сойдемся в цене!

386

Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плач не плачь — а придется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирать.

387

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

388

О Палаточник! * Бренное тело твое —
Для бесплотного духа земное жильё.
Смерть снесет полотняную эту палатку,
Когда дух твой бессмертный покинет её.

389

Словно мячбк, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игры не изменишь мольбой.
Знает правила тот, кто играет с тобой.

390

Я спросил у мудрейшего: «Что ты извлек
Из своих манускриптов?» — Мудрейший изрек:
«Счастлив тот, кто в объятых красавицы нежной
По ночам от премудрости книжной далек!»

391

Я сказал: «Виночерпий сродни палачу.
В чашах — кровь. Кровопийцею быть не хочу!»
Мудрый мой собутыльник воскликнул:
«Ты шутишь!»
Я налил и ответил: «Конечно, шучу!»

392

Не тверди мне, больному с похмелья: «Не пей!»
Все равно я лекарство приму, хоть убей!
Нету лучшего средства от горестей мира —
Виноградною кровью лечусь от скорбей.

135

393

Так как разум у нас в невысокой цене,
Так как только дурак безмятежен вполне —
Утоплю-ка остаток рассудка в вине:
Может статься, судьба улыбнется и мне!

394

Ты, всевышний, по-моему, жаден и стар.
Ты наносишь рабу за ударом удар.
Рай — награда безгрешным за их послушанье.
Дал бы что-нибудь мне не в награду, а в дар!

395

Чтобы Ты прегрешенья Хайама простил —
Он поститься решил и мечеть посетил.
Но, увы, от волнения во время намаза *
Громкий ветер ничтожный твой раб испустил!

396

Солнце светом плеснуло в окно. Благодать!
Пьяной влаге подобно оно. Благодать!
«Правоверные, пейте! — зывают с мечетей
На заре муэззины: Вино — благодать!» *

397

Все, что видишь ты, — видимость только одна,
Только форма — а суть никому не видна.
Смысла этих картинок понять не пытайся —
Сядь спокойно в сторонке и выпей вина!

398

Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!
Я с утра подкреплю тебя чистым вином,
Чтобы ты не томился в обители праха,
До того как проститься со мной перед сном.

399

Не позор и не грех — в харабат * забрести.
Благородство и мудрость у пьяниц в чести.
Медресе — вот рассадник невежд с подлецами!
Я без жалости их повелел бы снести.

400

В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего,
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение лучше всего.

401

Мне противно, по совести говорю,
После чарки притронуться к словарю.
Ты над книгами высох, а я в харабате *
Пью без просыху — значит, в аду не сгорю!

402

Я терплю издевательства неба давно.
Может быть, за терпенье в награду оно
Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
И тяжелый кувшин ниспошлет заодно?

403

Почему этот кубок бесцветен и сух?
Где рейханский рубин *, укрепляющий дух?
Позабудь ненадолго запреты ислама,
Не скорби в одиночку — напейся за двух!

404

Поглядите: валяется пьяный старик.
Он лишился рассудка — и бога постиг.
Он в дорожную пыль головою поник,
Бормоча: «Милосерден Аллах и велик!»

405

Я, шатаясь, спускался вчера в погребок.
Пьяный старец оттуда подняться не мог.
«И не стыдно тебе, старику, напиваться?» —
Я спросил. Он ответил: «Помилует бог!»

406

Мы, покинувши келью, в кабак забрели,
Сотворили молитву у входа, в пыли.
В медресе и в мечети мы жизнь загубили —
В винном погребе снова ее обрели.

407

Ты у ног своих скоро увидишь меня,
Где-нибудь у забора увидишь меня,
В куче праха и сора увидишь меня,
В полном блеске позора увидишь меня!

408

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых за чашей вина не теряй.

409

Пусть ханжи нас позорят, возводят хулу.
Вставши утром, на полную пиалу
Обменяем молитвенный коврик, а чашу
Со святою водой — разобьем об скалу!

410

Так как смерть все равно мне пощады не даст —
Пусть мне чашу вина виночерпий подаст!
Так как жизнь коротка в этом временном мире,
Скорбь для смертного сердца — ненужный балласт

141

411

Был бы я благочестьем прославиться рад,
Был бы рад за грехи не отправиться в ад,
Но божественный сок твоих лоз, виноград,
Для души моей — лучшая из наград!

412

Скоро праздник великий, Аллаху хвала!
Скоро все это стадо пропьяется до тла:
Воздержанья узду и намордник намаза
Светлый праздник господень снимает с осла!

413

Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок неимущим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь —
Прямо в рай попадешь... Если выпить мне дашь!

142

414

Не устану в неверном театре теней
Совершенства искать до конца своих дней.
Утверждаю: лицо твое — солнца светлее,
Утверждаю: твой стан — кипариса стройней.

415

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

416

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть,

143

417

Для того, кто усами кабак подметал,
Кто швырял, не считая, презренный металл —
Пусть столкнутся миры и обрушится небо —
Для него все равно: пьяный, он задремал...

418

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья, —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

419

Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь — два источника мук.
Ибо это прекрасное царство невечно:
Поражает сердца — и уходит из рук.

144

420

Так как вечных законов твой ум не постиг —
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как бог в небесах неизменно велик —
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

421

Страстью раненный, слезы без устали лью,
Исцелить мое бедное сердце молю,
Ибо вместо напитка любовного небо
Кровью сердца наполнило чашу мою.

422

Если ты не дурак, поразмысли о том,
Хорошо ль изнурять себя долгим постом?
Пьющий — смертен, но разве бессмертен
непьющий?
Нету разницы между святым и скотом.

423

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.

424

Много сект насчитал я в исламе *. Из всех
Я избрал себе секту любовных утех.
Ты — мой бог! Подари же мне радости рая.
Слиться с богом, любовью пылая, — не грех!

425

Что ты плачешь и стонешь? Я в толк не возьму.
Встань и выпей вина. Горевать ни к чему.
Долго ль будет глядеть светлоликое солнце
На несчастных, лицом обращенных во тьму?

146

426

От излишеств моих — разве Ты обнищал?
Что за прибыль Тебе, если я отощал?
Я смиренно прошу, чтобы Ты, милосердный,
Нас пореже карал и почаще прощал!

427

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

428

Виночерпий! Расплавленный лал принеси.
Лунолика! В кубок уста погрузи.
Ибо жаркие губы любимой и кубок
С этой огненной влагою — в кровной связи.

429

О прославленном скажут: «Спесивая знать!»
О смиренном святом: «Притворяется, знать...»
Хорошо бы прожить никому не известным,
Хорошо самому никого бы не знать.

430

Милосердный, я кары твоей не боюсь,
Славы скверной и скользких путей не боюсь.
Знаю: ты обелишь меня в День воскресенья.
Черной книги твоей, хоть убей, не боюсь!

431

Тот, кто мыслью парит от земли вдалеке,
Кто узду вдохновения держит в руке,
Даже он с запрокинутой головою
Перед сущностью божьей стоит в столбняке!

432

О мудрец! Если бог тебе дал напрокат
Музыкантшу, вино, ручеек и закат —
Не выращивай в сердце безумных желаний.
Если все это есть — ты безмерно богат!

433

О вино! Ты — живая вода, ты — исток
Вдохновенья и счастья, а я — твой пророк.
Я тебя прославляю в согласье с Кораном:
Ведь сказал же Аллах, что вино — не порок! *

434

Мы похожи на циркуль, вдвоем, на траве:
Головы у единого тулова две,
Полный круг совершаем, на стержне вращаясь,
Чтобы снова совпасть головой к голове.

435

Жизнь моя — не запойное чтение книг,
Я с хвалебной молитвою к чарке приник.
Если трезвый рассудок — твой строгий учитель,
Ты рассудка не слушай: он — мой ученик!

436

Жизнь короткую лучше прожить не молясь,
Жизнь короткую лучше прожить веселясь.
Лучше нет, чем среди этой груды развалин
Пить с красоткой вино, на траве развальясь!

437

Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений —
Делал все, чтобы только нарушить запрет!

438

Виночерпий! Прекрасней Иосифа * ты.
Умереть за тебя — нет прекрасней мечты.
Свет очей моих — прах твоих ног, виночерпий!
Ты — бессмертное солнце среди темноты.

439

Бросил пить я. Тоска мою душу сосет.
Всяк дает мне советы, лекарства несет.
Ни одно облегчения мне не приносит —
Только полная чарка Хайама спасет!

440

Мы с тобою — добыча, а мир — западня.
Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня.
Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

151

441

Когда глину творенья Аллах замесил,
Он меня о желаньях моих не спросил.
И грешил я по мере отпущенных сил.
Справедливо ль, чтоб в рай меня бог не впустил?

442

Нищий мнит себя шахом, напившись вина.
Львом лисица становится, если пьяна.
Захмелевшая старость беспечна, как юность.
Опьяневшая юность, как старость, умна.

443

О законник сухой, неподкупный судья!
Хуже пьянства запойного — трезвость твоя.
Я вино проливаю — ты кровь проливаешь.
Кто из нас кровожаднее — ты или я?

444

О мудрец! Если тот или этот дурак
Называет рассветом полуночный мрак, —
Притворись дураком и не спорь с дураками.
Каждый, кто не дурак, — вольнодумец и враг!

445

О вино! Замени мне любовь и Коран.
О духан! Я — из верных твоих прихожан.
Выпью столько, что каждый идущий навстречу
Сразу спросит: «Откуда бредет этот жбан?»

446

Страсть к неверной сразила меня, как чума.
Не по мне моя милая сходит с ума!
Кто же нас, мое сердце, от страсти излечит,
Если лекарша наша страдает сама?

447

Я несчастен и мерзок себе, сознаюсь.
Но не хнычу и кары небес не боюсь.
Каждый божеский день, умирая с похмелья,
Чашу полную требую, а не молось!

448

Мне, господь, надоела моя нищета,
Надоела надежд и желаний тщета.
Дай мне новую жизнь, если ты всемогущий!
Может, лучше, чем эта, окажется та.

449

Если б я властелином судьбы своей стал —
Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

Дураки мудрецом почитают меня.
Видит бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

Омар Хайам: проблемы и поиски

Имя Омара Хайама хорошо известно на его родине и далеко за ее пределами. Может быть, это самый популярный в Европе и Америке чужеземный поэт: во Франции и в США существовали (а кое-где существуют и сейчас) кабачки, названные по имени Хайама, клубы последователей Хайама, многие английские солдаты в первой и второй мировой войне несли в солдатских ранцах томик переводов персидского поэта.

Для одного из народов нашей страны — таджиков Омар Хайам — родной поэт, творчество которого вошло в классическое наследие. Русский читатель знает Хайама довольно давно — с начала XX в. Широкое распространение получили переводы Хайама, выполненные О. Румером в 20-х — начале 30-х годов, а затем — переводы И. Тхоржевского.

Омар Хайам родился в 1040 г. в городе Нишапуре, на востоке Ирана. Здесь он начал свое образование, а затем продолжил его в городах Балхе и Самарканде, став знатоком многих наук того времени, известным ученым. Слава Хайама как выдающегося математика распространилась по всему Ирану и Средней Азии, многие феодальные правители стали приглашать его ко двору. Некоторое время Хайам провел в Бухаре при дворе Караханидского правителя, а затем по приглашению знаменитого сельджукского везира Низам ал-Мулка перебрался в Исфахан, столицу огромного Сельджукского государства. Очевидно, в этот период научная деятельность Хайама была особенно плодотворной: он создает несколько важных трудов по физике и математике, по поручению шаха разрабатывает календарную реформу. На основе точных астрономических наблюдений и оригинальной системы подсчета Хайам в XII в. предложил календарь, который был на 7 секунд в год точнее ныне действующего. К сожалению, этот календарь никогда не был введен, а многие математические решения Хайама — огромное достижение для того времени! — были забыты на Востоке и лишь через века открыты вновь европейскими учеными.

Но в средние века судьба ученых и писателей во многом зависела от сильных мира сего. В 1092 г. умер Низам ал-Мулк, могущественный покровитель Хайама, — и для поэта наступили тяжелые времена. Он лишился поддержки двора, его научным трудам мешали. Последние годы жизни

Хайама проходят в скитаниях. Перед смертью он возвращается в родной город и умирает там в 1112 г. В Нишапуре сохранилась могила Хайама, позднее над ней был построен мавзолей.

У себя на родине Хайам был больше известен как философ и математик, до XIX века — времени «открытия» Хайама европейцами — его популярность как поэта была значительно меньше той, которой пользовались, например, Фирдоуси, Саади, Хафиз.

Всемирное признание Омар Хайам получил после появления замечательных английских переводов Эд. Фицджералда, впервые опубликованных в 1859 г. Перевод Фицджералда выдержал до конца века двадцать пять изданий, и, пожалуй, прав был Теннисон, когда назвал его «планетой, равной Солнцу, бросившему ее в пространство».

Однако стихи Фицджералда не были переводами в подлинном смысле слова: это были скорее вольные поэтические вариации на темы и мотивы Хайама; Фицджералд произвольно подобрал и расположил четверостишия Хайама, даже «дописал» кое-что от себя. В основном в его сборник вошли стихотворения, в которых были выражены идеи мировой скорби и пессимизма, а также гедонические мотивы.

Переводы Фицджералда положили начало, и сборники стихов Омара Хайама в оригинале и в переводах стали издавать во многих странах мира, а ученые принялись изучать его творчество. И тут востоковеды столкнулись с неожиданным препят-

ствием: оказалось, что многие приписываемые Хайаму рубаи (четверостишия) вовсе не принадлежат ему! К сожалению, это «досадное недоразумение» не устранено до сих пор: и по сей день вопрос о подлинности поэтического наследия Омара Хайама остается нерешенным. Остановимся на основных этапах изучения творчества Хайама.

В 1867 г. в Париже французский востоковед М. Никола издал «Рубайат» Хайама, включив в свой сборник 464 четверостишия. В 1897 г. известный русский востоковед В. А. Жуковский в своей работе «Омар Хайам и странствующие четверостишия» показал, что из 464 рубаи в издании Никола 82 приписываются 39 (!) другим поэтам, жившим намного позднее Омара Хайама. Такие четверостишия В. А. Жуковский назвал «странствующими».

В результате исследований других востоковедов, в частности английского ученого Д. Росса и датского — А. Кристенсена, в рукописях Хайама было найдено еще некоторое количество рубаи, авторство которых сомнительно, и общее число «странствующих четверостиший» достигло 108. Неутешительное открытие, особенно если учесть, что время создания четверостиший отделено от нас промежутком в восемь веков, прижизненной рукописи Хайама не сохранилось, достоверные подробности написания четверостиший никому не известны. Тексты самих четверостиший не содержат датировок (а также косвенных данных, по которым их можно было бы датировать). В некоторых четверостишиях, правда, встречается имя

Хайама, но, строго говоря, это не может служить доказательством подлинности, — ведь автор подделки, например, начал бы именно с этого. Одно время (1904 г.) А. Кристенсен, впад в полный пессимизм, утверждал, что подлинно хайамовскими могут быть признаны всего 12 четверостиший, однако потом (1927 г.) отказался от столь нигилистической позиции и предложил считать достоверными 121 рубаи.

Дальнейшая работа над изучением поэтического наследия Хайама шла с переменным успехом; надежды, вызванные находкой древней рукописи, сменялись разочарованием: рукопись оказывалась подделкой или датировка ее казалась сомнительной. Так было в 1925 г. с рукописью, опубликованной в Берлине Ф. Розеном, так получилось и с нашей (Р. Алиева и моей) публикацией мнимой рукописи XIII в. Различные ученые (Ф. Розен, Хр. Ремпис, М.-А. Форуги) пытались создать метод для определения того, какие же четверостишия действительно принадлежат Хайаму, а какие — приписываются ему. Однако установление критерия подлинности оказалось весьма сложной задачей. Исследователи, не имея твердой почвы под ногами, скатывались к субъективным суждениям. Так, немецкий востоковед Хр. Ремпис, отобрав по строгой системе некоторое число «достоверных» четверостиший, счел возможным добавить к ним еще полсотни «созвучных» (забыв, вероятно, что «созвучное» для одного исследователя может показаться «несозвучным» другому).

Группа иранских ученых вообще руководствовалась главным образом интуицией. Надо сказать, что среди носителей языка такой субъективно-интуитивный метод дает иногда положительные результаты: в сущности, он основан на не изученных еще механизмах действия человеческого мозга. Традиционное воспитание литераторов (и литературоведов) в Иране включает в себя заучивание наизусть с детства огромного количества стихов: образованный поэт или филолог знает на память не менее 25 тыс. бейтов (двустийши). Такой запас информации дает колоссальную эрудицию, способность выносить интуитивное, но зачастую верное суждение об авторской принадлежности того или иного текста. Но гарантированно верным этот метод быть не может, его нельзя положить в основу научной атрибуции (т. е. установления авторской принадлежности) текста.

Современные текстологи широко используют для атрибуции текстов сравнительные и статистические методы. Составляются словники сравниваемых текстов, частотные словари, устанавливается процентное содержание в текстах ключевых слов, словосочетаний, образных выражений, — но все это при достаточно большом объеме как подлинного текста, так и текста, вызывающего сомнения. Для установления авторства приписываемых Хайаму рубаи этот метод применить нельзя, так как объем четверостишия слишком мал, чтобы проводить статистические подсчеты и сопоставления.

Итак, проблема определения подлинности на-

следия Омара Хайама не разрешена до сих пор. По-видимому, это обусловлено еще и тем, что в творчестве Хайама сочетаются самые противоречивые идеи и мотивы. Стоит по этому поводу процитировать В. А. Жуковского: «Он — вольнодумец, разрушитель веры; он — безбожник и материалист; он — насмешник над мистицизмом и пантеист; он — правоверующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он — гуляка, развратник, ханжа и лицемер; он — не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он — мягкая натура, преданная более созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям; он — скептик-эпикурец; он — персидский Абу-л-Ала, Вольтер, Гейне» *... «Можно ли в самом деле представить человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмещаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей и колебаний» **.

В известной мере В. А. Жуковский прав — в четверостишиях Омара Хайама немало противоречий. Однако, главным образом, эти противоречия объясняются не противоречивостью взглядов самого поэта, а различным толкованием исследовате-

* В. А. Жуковский, Омар Хайам и странствующие четверостишия, — сб. «Музаффарийа», СПб., 1897, стр. 320.

** Там же, стр. 325.

лями его четверостиший. Одни ученые воспринимают рубаи Хайама как гимн человеческой свободе, воспевание радостей земной жизни, другие толкуют их как выражение мистической любви к абсолютному божеству, суфийские *** обращения к богу. Характерно, что одному и тому же рубаи разные ученые часто дают совершенно противоположное толкование.

В современной науке утвердилось убеждение, что Хайам не был ни суфием, ни правоверным мусульманином. Хотя и в наши дни встречаются еще люди, берущиеся толковать стихи Хайама в суфийском плане или в духе ортодоксального ислама, однако строгой наукой подобные попытки не принимаются всерьез.

Таким образом получается, что «непостижимая противоречивость» Хайама, отразившаяся в характеристике, данной ему В. А. Жуковским, обусловлена не столько тем, что Хайаму приписываются стихи разных поэтов, сколько различными позициями, с которых исследователи подходили к оценке его стихов.

*** Суфизм — мистическое учение в исламе, проповедывавшее экстатическую любовь к божеству, в котором, по мнению суфиев, растворяется все сущее. Согласно суфийским учениям, истинным бытием является лишь бог, а материальное существование — всего лишь мираж, аллегория. Суфии считали разум несовершенным и преходящим, отрицали процесс познания, так как подлинным знанием называли лишь мистическое озарение, наступающее при слиянии с богом.

Мы уже говорили, что у себя на родине Омар Хайам не пользовался таким признанием, как другие великие персидские поэты: Фирдоуси, Саади, Хафиз. Вместе с тем трудно согласиться с утверждениями некоторых европейских исследователей, будто Хайам вовсе не был известен в Иране, что как поэта его открыли европейцы. Самым убедительным опровержением этой точки зрения служит тот факт, что четверостишия Хайама сохранились в многочисленных рукописных списках как литературного, так и философско-религиозного характера: непопулярные стихи едва ли станут переписывать веками. Об известности Хайама-поэта свидетельствуют также многочисленные цитаты из его стихов в различных сочинениях (исторических, философских и теософских).

Как нам кажется, объяснение тому, что Хайам не был так популярен, как, например, Саади и Хафиз, надо искать в том, что для персидского читателя он был поэтом необычным, резко отличавшимся от других поэтов характером творчества, системой образов, изобразительными средствами.

По персидским литературным канонам, в поэте больше всего ценят умение создать новые образы, по-персидски «маани». Отметим, что содержание понятий «маани» и «образ» не совсем совпадают. В европейской поэтике образом называют применение различных средств поэтической выразительности. Можно, например, уподобить красавицу — розе, стан красавицы — кипарису, и тогда роза станет образом красавицы, к и п а р и с — образом

стройного стана. Созданный одним поэтом, этот образ при повторении теряет оригинальность, может превратиться в литературный штамп. В персидской поэзии всё по-иному: в стихотворениях каждого поэта десятки раз встречаются «розы» и «кипарисы», но там они служат лишь своего рода основой образа, которая превращается в подлинный образ (*маани*) только с помощью привлечения новых стилистических и поэтических средств, установления новых семантических связей. Эти многочисленные вариации на одну и ту же тему-первооснову составляют одну из характерных черт персидской поэзии. (Кстати, эта особенность персидской поэзии весьма затрудняет адекватный перевод ее на европейские языки, перенесение в сферу иных литературных традиций. «Вторичные» изобразительные средства, семантические и стилистические ассоциации, играющие такую важную роль в структуре персидского образа, часто исчезают, опускаются при переводе как «несущественные детали». В результате подлинное поэтическое содержание, авторское видение предмета и манера изображения его оказываются утерянными.)

В поэзии Хайама, с точки зрения знатоков персидской поэзии, образов (*маани*) сравнительно мало, его стихи почти лишены «вторичных» изобразительных средств, они как бы оголены и предстают перед читателем в форме прямо выраженной мысли. В четверостишиях Хайама образность, переносное выражение достигается прежде всего не созданием и варьированием старых тропов, а художествен-

ным вымыслом иного порядка, основанным на принципах контрастности и сюжетных поворотов. Эта особенность Хайама выводит его из ряда канонических персидских поэтов, она объясняет, почему персидские ценители поэзии долго не решались признать его поэтические достоинства.

Рубаи (четверостишие) не выступает как основная жанровая форма ни у одного персидского поэта, кроме Хайама *. В форме рубаи писали преимущественно лирические или философские стихи (хотя изредка встречаются даже панегирические рубаи). Пожалуй, можно назвать рубаи преимущественно философским жанром, так как даже интимно-лирические рубаи у персидских поэтов проникнуты определенным философским настроением.

Уже сам объем рубаи — четыре строки, из которых три (иногда и все четыре) рифмуются между собой, диктует определенные условия организации текста, подбора средств поэтической выразительности. В рубаи, разумеется, не может быть эпического начала, в нем невозможны детальные описания, психологическая детализация. Жесткие рамки формы требуют от поэта высокого мастерства и таланта. Хайам, избрав этот жанр, остался в нем непревзойденным: даже рубаи такого гениального поэта, как Хафиз, уступают хайамовским.

Рубаи Омара Хайама отличаются от стихов

* Только четверостишиями представлено творчество еще одного поэта XI в. — Баба Тахира, однако его стихи написаны в форме *дубайти*, отличающейся от *рубаи* стихотворным метром.

других персидских поэтов также природой лирического героя. Разумеется, не обладая подробными (и достоверными) биографическими данными об Омаре Хайаме, трудно сказать, насколько образ лирического героя в его стихах тождествен автору, — скорее можно говорить об обобщенном персонаже, воплотившем в поэтической форме черты *ринда*, вольнодумца-гуляки, столь популярного в кругу литераторов и образованных людей Ирана и Средней Азии в XI—XII вв. «Обозначен» лирический герой бывает по-разному: он выступает и как повествователь от первого лица, и как адресат, к которому обращается автор, и как собирательный тип, олицетворяющий все человечество.

Персидская лирика X—XI вв., из недр которой выросло творчество Хайама, в основном развивалась в двух жанровых формах: *касыда* (панегирик) и *газель* (любовно-лирическое стихотворение), причем газель как форма сложилась значительно позднее. И в касыде, и в газели персидских поэтов X—XI вв. лирический герой во взаимоотношениях с *мамдухом* (восхваляемым) и возлюбленной выступает как личность неравноправная, приниженная. Поэт X—XII вв. называет себя «рабом», а возлюбленную или *мамдуха* — «властелином», «султаном», «падишахом». Для художественной иллюстрации взаимоотношений между этими персонажами поэты X—XII вв. широко пользуются парными сравнениями типа: сокол — трясогузка, орел — утка, барс — олень, лев — антилопа и пр., — где первый член сравнения служит

образом *мамдуха* или возлюбленной, а второй — лирического героя. Во взаимоотношениях с судьбой лирический герой персидской поэзии X—XII вв. также занимает подчиненное положение: он целиком зависит от нее и безропотно сносит удары рока и «коловращение небес», считая борьбу или сопротивление бесполезными. Самый великий из персидских поэтов X в., Рудаки, в творчестве которого намечаются определенные черты независимой личности, пишет о судьбе и людях в таких выражениях:

В мирских садах не думай о плодах,
Одни лишь ивы плачут в тех садах*.
Приблизился садовник. Берегись!
Пройди как ветер и пребудь как прах.

(Пер. С. Липкина)

О взаимоотношениях лирического героя и судьбы (или этого мира) Рудаки пишет и в других своих стихах:

Жестокий этот мир лишь мачехе подобен,
Он с пасынком свиреп и к падчерице злобен.

(Пер. С. Липкина)

У Рудаки и других поэтов лирический герой сравнивается с шаманом, а судьба (или «этот мир») — с кумиром, идолом, что опять-таки подчеркивает зависимый характер их взаимоотноше-

* Поэт хочет подчеркнуть, что ива не плодоносит.

ний. Не только призыва к бунту против несправедливости судьбы, по даже слабого намека на протест не найдешь у поэтов X в. Они констатируют факт произвола рока и лишь иногда выражают нечто вроде недовольства. Коллизии творец — лирический герой у предшественников Хайама мы не находим вовсе. (Исключение в этом отношении представляют лишь некоторые стихотворения Насира Хосрова, в частности «Спор с богом», однако подлинность и атрибуция его весьма сомнительны.) Только у Омара Хайама впервые в истории персидской поэзии художник резко заявляет о своих разногласиях с создателем, вступает с ним в полемику и бунтует против него. Хайам — первый персидский поэт, который ввел в свои стихи идею конфликта между поэтом и творцом, а коллизии поэт — судьба, наметившуюся в литературе X в., разработал в целостную поэтико-философскую концепцию.

Хайам многократно варьирует мысль о враждебности судьбы к человеку:

Злое небо над нами расправу вершит.
Им убиты Махмуд и могучий Джамшид.
Пей вино, ибо нету на землю возврата
Никому, кто под этой землею лежит. (№ 188)

* * *

Знай, рожденный в рубашке, любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы! (№ 19)

Мотив карающего неба, безжалостной судьбы в четверостишиях обретает разные художественные формы, нередко аллегорические, но это лишь различные выражения мысли об универсальной, всеохватывающей власти неотвратимого рока:

Не давай убаюкать себя похвалой —
Меч судьбы занесен над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой! (№ 350)

* * *

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась —
Как уже осыпается роза моя. (№ 52)

Столкновение индивида с судьбой (небом, этим миром) в стихах Хайама не ведет к мирному исходу, личность в этой схватке терпит поражение, она гибнет. Однако дух лирического героя не сломлен, он не раскаивается и не признает себя побежденным.

Омар Хайам в своих стихах не предлагает читателю стройной, положительной концепции мироздания и человеческой личности, он не пишет о том, каким представляется ему идеальный мир, каким, по его мнению, должен быть человек, какими положительными качествами тот должен обладать. Он только отрицает существующее, отрицает то, что изображается положительным и святым

в Коране, отвергает мораль и нравственные устои, навязанные людям мусульманством. Он прекрасно владеет логикой и часто использует ее как оружие против мусульманских догм, вскрывая противоречия, содержащиеся в Коране, отрицая здравый смысл Священного писания мусульман.

Но логика — инструмент ученого, в поэзии же на первый план выступают задачи эмоционального воздействия на читателя. В этом смысле интересны стихи, в которых лирический герой как бы выясняет свои взаимоотношения с творцом. Омар Хайам страстно, порывисто протестует против смерти, призывает к радостной, полной мирских, чувственных наслаждений жизни. Смерть противоестественна — и однако по воле и желанию творца она неизбежна. Поэт вступает в полемику с богом, выражая свой гневный бунт против неумолимой смерти:

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел? (№ 83)

Коль скоро смерть неотвратима, а жизнь — быстротечна, она кажется Хайаму бессмысленной, лишенной какой-либо положительной цели. Но и в мир иной Хайам не верит, подвергая, таким образом, сомнению одну из основ ислама. Он резко восстает против надежды на загробную жизнь и призывает получить от реальной жизни все возможное:

«Как там в мире ином?» — я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! — ответил. — Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока». (№ 190)

Характерная особенность лирического героя в стихах Хайама — это полное отрицание им всего того, что считается святым у правоверных мусульман, отказ от покорности богу. Однако нет оснований изображать Хайама законченным атеистом, как это делают в некоторых современных изданиях. Лирический герой Омара Хайама отчуждает себя от творца, не признает справедливости его приговора, справедливости предопределения, но самого творца он не отрицает. Он полемизирует с богом, укоряет его, восстает против него, — но не подвергает сомнению его существование.

Хайам не отрицает бога, но он отрицает многое в религии: веру в загробную жизнь, существование рая и ада. Легенда о рае служит ему одним из поэтических средств для оправдания земных чувственных наслаждений:

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном. (№ 423)

* * *

Если гурия кубок наполнит вином,
Лежа рядом со мной на ковре травяном, —

Пусть меня оплюют и смешают с дерьмом,
Если стану я думать о рае ином! (№ 311)

Хайам не только не отрицает бога, напротив, он признает его могущество, способность определять все сущее, все явления во вселенной. Полагая господа первопричиной всех людских поступков, Хайам этим оправдывает свое «право на грех» — в духе рассуждений средневековых богословов:

Если я напиваюсь и падаю с ног —
Это богу служение, а не порок.
Не могу же нарушить я замысел божий,
Если пьяницей быть предназначил мне бог! (№ 355)

Вину за людские грехи Хайам возлагает на бога:

Мы с тобою — добыча, а мир — западня.
Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня.
Сам виновен во всем, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня. (№ 440)

Существование бога для Хайама — реальность, печальная действительность. Он восстает против этой действительности, клянет бога за несправедливость, отсутствие милосердия, даже за отсутствие здравого смысла:

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца.
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца. (№ 28)

* * *

Ты задался вопросом: что есть Человек?
Образ божий — но логикой бог пренебрег:
Он его извлекает на миг из пучины —
И обратно в пучину швыряет навек. (№ 372)

Разумеется, называть Хайама атеистом, равно как и утверждать, что он стоял на материалистических позициях, совершенно неправомерно. Омар Хайам признавал существование бога и полемизировал с ним, — о последовательном материализме нечего и говорить. Но вместе с тем нельзя не признать, что в стихах Хайама постоянно проходит мысль о вечном круговороте физического субстрата всех вещей, материи, мысль, которая в корне подрывает идею о вечности духа; а его настойчивое отрицание загробной жизни, рая и ада противоречит одному из основных религиозных догматов о воздаянии на том свете.

Идея вечного круговорота материи (в понимании того времени) в стихах Хайама выражена в теме гончара, который лепит кувшины из глины — вчерашнего праха умерших, в непрерывных превращениях глины в человека, человека в прах, в теме вырастающих из праха травы и цветов.

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Была шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха,
Сделал бывшего шаха утехой кутил». (№ 6)

* * *

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей,
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей... (№ 50)

Особенно поэтичны и выразительны рубаи, в которых кувшин или чаша обретают дар речи и вступают в беседу с лирическим героем. Неодушевленные предметы оживают, сквозь неживую материю проступают черты мыслящего существа, человеческие черты. Однако это слияние природы с человеком (или человека с природой) не походит на суфийское мистическое растворение всего сущего, всего живого и неживого в абсолютном божестве. У суфиев человек умирает, чтобы вернуться в безбрежный, бесконечный океан божественной сущности. У Хайама человек перестает существовать материально, чтобы превратиться в другой вид материи. В суфийской поэзии лирический герой — ничто, а бог — все, Хайаму такое противопоставление чуждо, в его стихах равны глина, прах человеческий и сам человек, ибо они — проявления одной и той же материальной основы.

Художественный прием, к которому Хайам прибегает в четверостишиях, условно группируемых вокруг темы гончара, необычайно экспрессивен. Собственно, это один из видов прозопопеи (олицетворения) европейской поэтики. Эта разновидность олицетворения широко применяется Хайамом в

Глотни мертвец его хоть каплю, он из могилы бы
восстал.
И пребывать вино достойно в когтях орла, превыше
скал,
Тогда — прославим справедливость! — его бы
низкий не достал.
(Пер. В. Левика)

В этом отрывке вино описано весьма красочно, зримо, и вместе с тем дано изображение его воздействия, в описании сочетаются изобразительное и выразительное начала, причем изобразительность доминирует над экспрессивностью. Сравним теперь с этим стихотворением рубаи Хайама:

Ни держава, ни полная злата казна
Не сравнится с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна —
Не дороже затычки от кувшина! (№ 49)

Художественная структура здесь основана на едином принципе антитезы, одна антитеза (чарка вина — держава, казна) сменяется другой (затычка от кувшина — венец Кей-Хосрова, трон Фаридуна). Позиция лирического героя, казалось бы, не выражена, но вместе с тем совершенно ясно, что вино дано не в изображении его внешних качеств, зрительных особенностей, а в его сущностной характеристике, через оценку и эмоции лирического героя, хотя он и не фигурирует, а лишь подразумевается.

С точки зрения соотношения выразительности и изобразительности характерно следующее рубаи, также построенное на художественном сопоставлении контрастных явлений:

Стоит власти над миром хороший глоток.
Выше истины выпивку ставит знаток.
Белоснежной чалмы правоверного шейха
Стоит этот вином обогранный платок. (№ 251)

Тема вина в стихах Хайама заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. Часто Омара Хайама трактуют как гедониста, бездумного певца вина и чувственных наслаждений. Возможно, начало такой трактовки положил отбор рубаи в переводе Фицджералда, но главную роль, безусловно, сыграло направленное восприятие читателей. Человек обладает особым чувством эстетического отбора: из океана разнообразных мыслей, гаммы чувств, предоставляемых в его распоряжение художественным текстом, он отбирает то, что ему по душе, по вкусу. Конечно, в четверостишиях Хайама можно найти такие, которые допускают интерпретацию в гедоническом плане, например:

Нищий мнит себя шахом, напившись вина.
Львом лисица становится, если пьяна.
Захмелевшая старость — беспечна, как юность.
Опьяневшая юность — как старость, умна. (№ 293)

В определенной мере с этими строками перекликаются некоторые стихи Рудаки:

Налей того вина, что, если капнет в Нил,
То пьяным целый век пребудет крокодил.
А если выпьет лань, то станет грозным львом,
Тем львом, что и пантер и тигров утрашил.

(Пер. С. Липкина)

Однако вино как поэтический образ у Хайама и Рудаки имеет существенное отличие: в стихах основоположника персидско-таджикской поэзии и его современников вино является самостоятельным поэтическим «персонажем», выступает как нечто имманентное, самодовлеющее, оно предметно и вполне реально. У Хайама же вино — вспомогательное поэтическое средство, служащее главным образом для раскрытия сущности лирического героя.

Трактовка темы вина у Омара Хайама намного глубже, чем в известном классическом жанре *хамрийат* («винная поэзия»), где описываются как само вино, так и его свойства. Вместе с тем Хайам далек и от суфийского понимания вина, согласно которому этот напиток рассматривается как средство (или как символ) экстатического исчезновения личности, отчуждения ее от всего земного для слияния с абсолютным, т. е. с богом.

Вино в стихах Хайама — поэтический образ, служащий ему средством самовыражения, самоутверждения и отчуждения от религиозных запретов. Для Хайама вино — символ земных радостей и борьбы с религиозным ханжеством, способ выражения протеста против существующей действи-

тельности, бунта против человеческой ограниченности.

В четверостишиях Хайама встречаются некоторые традиционные поэтические изобразительные средства, однако они не являются определяющей чертой его стиля, они играют роль лишь вспомогательных художественных приемов для усиления выразительности, как, например, в следующих стихах:

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой! (№ 200)

Для художественных средств рубаи Хайама характерно также преобладание функционального начала над зрительным. У предшественников Хайама изобразительные средства, основанные на зрительном восприятии (главным образом, эпитеты и сравнения), составляют около половины всего их арсенала; некоторые персонажи в стихах этих поэтов, как, например, объект сатиры, описаны по преимуществу изобразительными средствами, а доля последних в теме «возлюбленная» составляет почти 50 процентов.

Число примеров, свидетельствующих об абсолютном превосходстве у Хайама экспрессивного начала творчества над изобразительным, легко можно увеличить. Предметное изображение служит этому поэту лишь неким фоном для эмоционального вы-

ражения, описанию внешних свойств отводится служебная роль при сущностной характеристике явлений. Стихи Хайама можно назвать функциональной поэзией в отличие от описательной поэзии большинства персидских авторов.

Выше мы сопоставляли описание вина у Хайама и у Рудаки — основоположника персидско-таджикской поэзии. Попробуем сравнить, как трактуют два поэта тему «возлюбленная». У Рудаки находим:

Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз:
Цвет взяла для щек румяных, аромат — для черных
кос.

Станут розовыми воды, где омоешь ты лицо.
Пряным мускусом повеет от распущенных волос.

(Пер. В. Левика)

Прелесть смоляных, вьющихся кудрей
От багряных роз кажется нежней.
В каждом узелке — тысяча сердец,
В каждом завитке — тысяча скорбей.

(Пер. С. Липкина)

Как видим, четверостишия Рудаки — описательны, причем описание строится по принципу подбора внешних признаков (цвет, запах) и связанных с ними ассоциаций.

У Хайама нельзя найти ни одного рубан, которое было бы целиком посвящено описанию возлюб-

ленной. Более того, в стихах Хайама нет персонажа возлюбленной, с определенной внешностью и душевным складом, он вообще не тратит слов на ее изображение, возлюбленная служит для него лишь поэтическим аксессуаром для утверждения мысли о примате земного мира над обещанной загробной жизнью. Образ возлюбленной, как и образ вина, — средство поэтического протеста автора против существующего. Как правило, возлюбленная перечисляется вместе с другими атрибутами веселой жизни *ринда-вольнодумца*:

Брось молиться, неси нам вина, богомол!
Разобьем свою добрую славу об пол.
Все равно ты судьбу за подол не ухватишь —
Ухвати хоть красавицу за подол! (№ 169)

* * *

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилось у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке,
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди! (№ 159)

У Хайама мы не найдем мотива единственной и неповторимой возлюбленной, в его стихах нет и чувства неразделенной любви, нельзя усмотреть неравноправного положения героя по отношению к любимой. Образ возлюбленной в стихах Хайама — не авторская самоцель, не повелительница, жестокая и коварная, не активная личность — это вообще не личность, а лишь литературный символ, пред-

назначенный для противопоставления религиозным догматам.

В художественной структуре стихов Омара Хайама большую роль играет такой поэтический прием, как оппозиция, состоящий в том, что противопоставляются не только явления, составляющие антитезу, но и предметы и явления иного ряда. У Хайама оппозиция не ограничивается рамками одного рубаи, она пронизывает весь строй его стихов. Лирический герой поставлен в оппозицию с судьбой и творцом, радости этого мира находятся в оппозиции с обещанными благами загробного рая, мирские утехи простых людей противопоставлены и царской власти и райским наслаждениям. Встречаются у Хайама и рубаи, целиком построенные на принципе оппозиции и антитезы:

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир — многолик:
Он ничтожен — и он же безмерно велик! (№ 77)

Подобное нанизывание контрастных явлений, нарочитое соположение противостоящих друг другу полюсов создает большой художественный эффект, придает стихам особую выразительность, непреложную убедительность.

Красавица, вино, трава и цветы в стихах Хайама поставлены в оппозицию с гуриями, райскими розами и фонтанами, земное противопоставлено неземному, скепсис ученого — тупому упорству

догматика, искренность лирического героя — ханжеству и лицемерию святош, жизнь противопоставлена смерти, бытие — небытию.

Омар Хайам занимает в ряду персидских поэтов исключительное место. Возможно, он не самый великий из них (да и кто возьмет на себя раздачу грамот на величие?), но, пожалуй, можно сказать, что Хайам — наиболее самобытный, не похожий ни на кого другого и вместе с тем — самый общечеловечный.

Советский читатель давно полюбил Омара Хайама за независимый, гордый дух его стихов, за чеканный, строгий стих и ясность поэтического выражения. В этой книге публикуются новые переводы четверостиший Хайама. В основу переводов легли издания: 1) «Рубайат-и Омар Хайам, муалиф-и Хусайн Даниш», Стамбул, 1927; 2) «Рубайат-и хаким-и Хайам Нишабури ба ихтимам-и джинаб-и ага-йи Мухаммад Али Фуруги», Тегеран, 1943; 3) «Mahdy Fouladvand, Quatrains Khayamiens», Teheran, 1965.

Мы отобрали 450 рубаи, отнюдь не утверждая, что именно они — подлинны, но стремясь дать читателю наиболее полное представление о поэтическом наследии Хайама и о тех стихах, которые приписывает ему традиция. В привлеченных нами изданиях, которые основаны на ранних рукописях Хайама, рубаи расположены в совершенно произвольном порядке. В более поздних списках Хайама четверостишия группируются по сугубо формальному признаку — в алфавитном порядке рифм. Сле-

довать в данном издании какому-либо из этих принципов переводчик и составитель не сочли целесообразным. Некоторые из отобранных четверостиший ранее переводились на русский язык, другие переводятся впервые. Каждое время претендует на свое прочтение классики — таким прочтением, толкованием текста бесспорно является перевод. Будем надеяться, что читатель найдет новое для себя в переводе Германом Плисецким четверостиший Омара Хайама.

М.-Н. Османов

Примечания к переводу *

1. «Мне известно, что мне ничего не известно» — распространенный в персидской поэзии мотив, восходящий к известному изречению Сократа.

3. Зухра — планета Венера. По преданию, Зухра была прекрасной женщиной, которая настолько завлекла своей красотой ангелов Харута и Марута, что те, потеряв голову от любви к смертной женщине, открыли ей тайное имя бога. Воспользовавшись этим именем как заклинанием, Зухра вознеслась на небо, где обрела бессмертие. Зухра стала «небесным музыкантом», своей игрой сопровождающим хор ангелов и небесных светил, а Харут и Марут в наказание были низвергнуты с небес и

* Примечания составлены М.-Н. Османовым. Цифра перед каждым примечанием — номер четверостишия, к которому оно относится.

подвешены вниз головой в колодец, где они должны пребывать до Судного дня. В поэзии Зухра символизирует красавицу.

11. «Управляется мир Четырьмя и Семью» — имеются в виду четыре стихии — четыре первоэлемента античной и средневековой восточной философии: вода, земля, воздух, огонь. По представлениям философов того времени, весь материальный мир состоит из сочетаний этих стихий. «Семь» — семь светил — шесть известных астрономам того времени планет (Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Венера, Луна) и Солнце. По средневековым поверьям, поступки людей, их судьбы подвластны решениям звезд. Вместе с тем весь мир состоит из материального субстрата, из «четырех стихий». Поэт хочет сказать, что и материальная основа мира, и судьба не зависят от нашей воли, что их невозможно изменить.

13. Рубаи приписывается также Абу Али ибн Сине, однако авторство Ибн Сины оспаривается большинством исследователей, которые полагают, что он вовсе не писал в этом жанре на персидском языке.

16. В оригинале вместо жар-птицы названа Анка — вещая птица, которую по-персидски зовут также Симург. Эта птица, по поверью, живет вдали от людских глаз, на краю света и никогда не показывается людям. По средневековым иранским поверьям, жемчужина образуется в раковине от попавшей внутрь капли воды в полной изоляции от внешнего мира.

17. «Гурии, розы, фонтаны» — атрибуты райской жизни, красочно описанные в Коране.

34. При захоронении мусульмане вырывают в могиле углубление в виде склепа, кладут туда покойника, а потом замуровывают каменными плитами или сырцовыми кирпичами. Хайам здесь обыгрывает слово «глина», из которой, согласно преданию, сотворен человек, и «глиняный кирпич», которым придавят тело и в который превратится человек много лет спустя, когда прах его (его «глина») пойдет на изготовление новых кирпичей.

39. Бахрам — сасанидский шах Варахран V (421—438). Как историческая личность Бахрам V ничем особенно не знаменит, но в литературе он стал популярным персонажем, героем многих героических и романтических повестей и рассказов. Некоторые исследователи считают, что в образе литературного Бахрама произошла контаминация черт реального Варахрана и небесного воина-женюлюбца Веретрагны (в более позднем произношении «Бахрам»). Бахрам-Гуру посвящено значительное место в «Шах-наме» Фирдоуси, о нем сложили поэмы Низами, Амир Хосров и другие выдающиеся поэты Ирана, Индии и Средней Азии. Как литературный персонаж Бахрам олицетворяет могущественного правителя, который проводил время, наслаждаясь любовью и вином.

43. «Лепит чаши гончар из голов и из рук» — излюбленный мотив Хайама — вечный круговорот материальной основы человеческой жизни. Создан-

ный из глины (см. выше, прим. к № 34), человек после смерти истлеет, превратится в прах, глину, из которой гончар лепит свои изделия. Здесь поэт хочет сказать, что в гончарной глине смешался прах царей и нищих бродяг, что всех людей независимо от их чинов и положения ждет смертная доля.

44. Фаридун — могущественный царь, персонаж эпической поэмы Фирдоуси «Шах-наме», олицетворение власти, силы, славы.

49. Кей-Хосров — один из могущественных царей иранского героического эпоса, нашедшего законченное художественное оформление в «Шах-наме» Фирдоуси. Фаридун — могущественный царь из мифологической части «Шах-наме». Оба имени в поэзии символизируют могущество, богатство и величие.

50. Хорасан в средние века — Восточный Иран. В настоящее время Хорасан одна из провинций Ирана.

55. «Мастер, шьющий палатки», — т. е. Хайам. «Хайам» буквально означает «мастер палаток», «палаточник». Атрибуция этого рубаи несколько сомнительна.

62. «Появились из капли, станем ветром» — автор обыгрывает два первоэлемента средневековой философии: «капля» — вода, «ветер» — воздух (см. также прим. к № 11).

67. Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

68. Коран — священное писание мусульман, по

легенде, ниспосланное Аллахом пророку Мухаммеду. Шариат — совокупность правовых и религиозных норм мусульманства. Основные положения шариата зафиксированы в Коране, однако значительная часть шариата является результатом интерпретации Корана различными мусульманскими авторитетами.

78. Искра и капля, ветер и прах — перечислены четыре первоэлемента средневековой философии: огонь, вода, воздух, земля (см. также прим, к № 11).

79. Весьма распространенный у Хайама мотив о том, что нужно веселиться и жить в свое удовольствие, не страшась кар на том свете, поскольку все наши поступки помимо нашей воли предрешены задолго до нашего рождения, как об этом твердят религиозные догматы.

85. «Для того, кто из глины бутылъ сотворил» — бутылъ из глины — гончарный сосуд для вина. Бутылъ из тыквы — сосуд, изготовленный из выдолбленной тыквы, размером гораздо больше глиняного кувшина. По мусульманским поверьям, тот, кто изготавливает посуду для вина, совершает грех. Но «бутылъ из тыквы» творение природы, т. е. бога. Сарказм Хайама, таким образом, направлен против мусульманских установлений.

90. Тараз — город в Средней Азии, который стал в поэзии «обителью красавиц».

96. Чанг — см. прим. к № 67.

103. Дервиш — нищий странствующий суфий, последователь мистического учения в исламе. Су-

фии пренебрегали религиозными обрядами, мирскими благами, считали главным в вере мистическую любовь к абсолютному богу, частицей которого они считали все сущее. Хотя Хайаму чужды суфийские мотивы, данное рубаи в какой-то мере допускает суфийскую трактовку, поэтому его атрибуция сомнительна.

113. «Сотворенный из праха», т. е. человек. По религиозным поверьям, бог сотворил человека из глины, т. е. из праха. Скульптором поэт здесь называет творца.

117. Чанг — см. прим. к № 67.

126. «Нашу глину Аллах замесил на страданиях» — по поверью, бог создал первого человека из глины.

127. Христос почитался мусульманами «как один из пророков, предшествовавших Мухаммеду», основоположнику мусульманства. Зухра — см. прим. к № 3.

132. По средневековым мусульманским представлениям, небеса состоят из семи или девяти неподвижных сфер. Хайам называет семь или восемь, желая подчеркнуть и недоверность этих представлений, и невозможность человека каким-либо образом влиять на судьбу.

153. В оригинале названы Багдад и Балх. Багдад — город в Ираке, при жизни Хайама столица халифата, в наше время — столица Иракской республики. Балх — город на берегу Амударьи в современном Афганистане. Переводчик заменил Балх Ширазом, городом на юге Ирана.

249. В мусульманском раю верующих ждут чувственные, плотские утехи: любовь райских гурий, опьяняющая влага райских источников и пр.

250. «Постные дни — словно черные ночи». По мусульманским религиозным правилам, в месяц поста (рамазан) нельзя ни есть, ни пить в течение дня, от рассвета до заката. Ночью пища разрешается.

258. Харабат — городские развалины, трущобы, где в средневековых мусульманских городах торговали вином. Дело в том, что в городских трущобах жили преимущественно зороастрийцы (последователи древней, домусульманской религии Ирана), которым их вера не запрещала производства и употребления вина.

261. Ринд — гуляка-вольнодумец, в персидской поэзии антипод аскета и ханжи.

271. Калам — тростниковое перо, которым вплоть до XX в. писали на Востоке. По мусульманским преданиям, божественным каламом предначертаны на скрижали все поступки людей.

277. См. прим. к № 266.

313. Харабат — см. прим. к № 258.

315. В некоторых средневековых сборниках приводится предание о том, что однажды Хайам обратился к богу с этим четверостишием как бы в оправдание своего права грешить, т. е. пить вино, не соблюдать пост, любить красивых женщин. Случайно, говорится в предании, кувшин с вином у Хайама опрокинулся, и тогда будто Хайам произнес рубаи № 316 (см.).

325. Это рубаи панегирического характера приписывается Хайаму только в одном сборнике и вряд ли принадлежит ему.

328. Харабат — см. прим. к № 258.

336. Намек на библейскую и кораническую легенду о том, что Сатана (в Коране — Иблис) возгордился и отказался преклониться перед Адамом, за что был изгнан богом из рая.

340. «Двухдневная» — т. е. быстротечная, недолгая; «С виду прочное здание» — т. е. земной мир, на самом деле непрочный и ненадежный.

344. Харабат — см. прим. к № 258.

345. В оригинале последняя строка буквально значит: «Это вода, беременная огнем» — это распространенный образ классической персидской поэзии.

359. Коран — священное писание мусульман, Коран делится на *суры* (главы), а суры — на *аяты*, своего рода ритмические единицы, которые условно могут быть названы стихами. Ортодоксальное мусульманство строго запрещало изображение людей и животных, зато широко принято было вплетать в орнамент, украшавший жилище и утварь, коранические изречения, написанные красивой вязью.

361. Здесь имеется в виду библейская и кораническая легенда об Иосифе Прекрасном. Согласно легенде, Иосиф (Юсуф) был продан братьями в рабство в Египет, откуда и выражение «Иосиф Египетский». Братья, гласит легенда, принесли отцу Иосифа окровавленную рубашку сына и объявили,

что того задрал волк. Отсюда выражение: «Вот покрытая кровью рубашка моя». Во время рабства в Египте Иосифу пришлось испытать много тягот и страданий, поэтому роза — символ влюбленного — сравнивается с ним.

363. Согласно Корану, Муса (библ. Моисей) обладал даром творить чудеса, об этом в Коране говорится несколько раз. Иса (Иисус) в мусульманских легендах наделен способностью воскрешать мертвецов своим дыханием. Здесь Хайам дает аллегорическое описание весеннего дождя.

375. В третьей строке Хайам перечисляет четыре стихии средневековой философии (см. прим. к № 11).

382. Симуург — мифическая птица, которая живет на краю земли и которую никто не видит, поэтому поэт и говорит о ней «отрешилась от мира». Четвертая строка буквально переводится так: «Кто, подобно мне, не стал совой в развалинах». «Сова в развалинах», — т. е. слепец, заблуждающийся в этом мире.

385. Марьям — Дева Мария, которая вместе с Иисусом Христом признается мусульманской религией святой. Разумеется, изделие Марьям было бы священным и не подлежало бы купле-продаже.

388. В оригинале вместо «палаточник» — «Хайам». См. прим. к № 55. Атрибуция этого рубаи сомнительна.

395. Намаз — мусульманская молитва, которой должно предшествовать ритуальное омовение, «очищение». Неприличное действие, упомянутое в чет-

вертой строке, аннулирует действие омовения, и для продолжения молитвы потребовалось бы совершить омовение заново.

396. В этом рубаи Омар Хайам использует поэтический прием, состоящий в употреблении коранических выражений для утверждения противоположного тому, что говорится в Коране. Хайам вводит в четвертую строку кораническое слово: «пейте», чтобы оправдать свой призыв пить вино ссылкой на Коран. В действительности, в Коране несколько раз встречается слово «пейте», но в ином контексте. Например: «Ешьте и пейте из удела Аллаха» (II, 57); «Ешьте и пейте, пока не станет различаться перед вами белая нитка и черная нитка на заре» (II, 183); «Ешьте и пейте, но не излишествуйте» (III, 29); как показывают эти примеры, ни в одном из них не содержится призыв пить вино.

399. Харабат — см. примечание к № 258.

401. Харабат — см. примечание к № 258.

403. В оригинале — «вино рейхани», один из известных в то время сортов вина.

424. В исламе, как считают авторы богословских сочинений о толках и ересьях, было семьдесят течений. Из них два являются основными толками и носят названия суннизм и шиизм, в суннизме различаются четыре юридические школы, признанные равноправно правоверными.

433. Разумеется, в Коране о вине сказано совершенно иное: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: „В них обоих — великий грех и

некая польза для людей, но грех их — больше пользы"» (Коран, II, 216). Таким образом, здесь мы вновь встречаемся с софистическим приемом использования коранических цитат для поэтических целей.

438. Имеется в виду Иосиф Прекрасный (Юсуф) — признанный в мусульманском мире образец красоты.

Содержание

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ	5
<i>М.-Н. ОСМАНОВ</i> . ОМАР ХАЙАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ	156
ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ	186

Омар Хайам
РУБАЙАТ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Б. Кондырева*
Художник *В. В. Локишин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 27/VIII 1971 г. Подписано
к печати 3/III 1972 г. Формат 70x90¹/₃₂.
Бумага № 1. Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 7,02.
Уч.-изд. л. 4,08. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2719. Зак. 745. Цена 36 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Омар Хайам

X15 Рубайат. Пер. с перс. Г. Плисецкого. М.,
Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука», 1972.

198 с.

Четверостишия всемирно известного персидского поэта Омара Хайама широко популярны в нашей стране. Новый перевод его стихов — свидетельство неослабевающего интереса к Хайаму.

7-44

191-71

И (Перс)

